
Сломленная
Эхо прошлого
Содержит нецензурную брань
Donna Darsi
18+

Donna Darsi

Сломленная. Эхо прошлого

«Автор»
2026

Darsi D.

Сломленная. Эхо прошлого / D. Darsi — «Автор», 2026

Ты — пустота. Память выжжена, тело — сосуд для чужой жизни. Кейден — твой тюремщик. Он ломает тебя при каждом удобном случае, чтобы система не усомнилась в его преданности. Каждая его ладонь оставляет синяки, каждое слово — пепел. Ты ненавидишь его. Но ты не помнишь ничего, кроме его глаз, когда он наклоняется над тобой. И когда внутри начинает биться новое сердце — ты понимаешь: либо ты сбежишь, либо этот мир рухнет в огонь. Но Кейден всегда на шаг впереди. «Сломленная. Эхо прошлого». Без надежды. Без оправданий. Тёмный роман для тех, кто не боится боли.

© Darsi D., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
Глава 1. Пустая. 9
Глава 2. 15
Глава 3. 20
Глава 4. 24
Глава 5. 29
Глава 6. 35
Глава 7. 43
Глава 8. 50
Глава 9. 55
Глава 10 58
Глава 11 63
Глава 12. 67
Глава 13. 82
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Donna Darsi
Сломленная. Эхо прошлого

ПРОЛОГ

Ночь над Новым Вавилоном никогда не была по-настоящему тёмной.

Огни нижних уровней пробивались сквозь смог мутным оранжевым заревом, а выше, где купол встречался с естественным небом, звёзды всё ещё пытались соперничать с городскими огнями – но проигрывали. Женщина любила эту крышу именно за такое поражение, за то, что здесь, на высоте сорок седьмого этажа заброшенного исследовательского центра, можно было обмануть себя на минуту и поверить, что в мире ещё осталась тьма, которую не залили уличные светильники.

Она сидела на парапете, свесив ноги вниз, и ветер трепал её волосы цвета тёмного мёда. Платье – дешёвое, хлопковое, купленное у перекупщиков на чёрном рынке – липло к телу, и она не обращала на это внимания, потому что смотрела на звёзды, которых почти не было видно, и улыбалась той особенной улыбкой, которая появлялась у неё только здесь, только с ним, только когда они вдвоём.

Мужчина стоял на два шага позади, как всегда – на расстоянии, которое позволяло ему видеть всё: её профиль, линию шеи, расслабленные плечи. В его руке была пластиковая бутылка с красным вином, таким дешёвым, что на дне плавали крупинки сахара, и он уже давно не пил, просто держал её, как оружие, которое не решался применить.

– Если ты упадёшь, – сказал он наконец, и голос его звучал тихо, почти невесомо, – я прыгну за тобой. И тогда вся наша конспирация пойдёт прахом, потому что наша кровь перемешается где-то на уровне тринадцатого этажа, и синдикату не придётся даже вскрывать нас, чтобы понять, что мы были вместе.

Женщина не обернулась, но в её голосе зазвучала лёгкая насмешка, которую он научился распознавать с первых недель их знакомства.

– Ты такой романтичный, – произнесла она, и в её тоне слышалась тёплая ирония. – Обычные парни дарят цветы, а ты говоришь о совместном падении с сорок седьмого этажа. Я тронута до глубины души, правда.

Мужчина сделал шаг вперёд, и под его ботинком хрустнул мелкий гравий, оставшийся на крыше с тех пор, как здесь в последний раз была строительная бригада – лет десять назад, не меньше.

– Я серьёзно, – произнёс он, останавливаясь в полуметре от неё, но всё ещё не решаясь коснуться. – Ты слишком близко к краю.

Она наконец повернула голову, и её глаза – зелёные, с золотыми искорками, которые даже в темноте не теряли своей глубины – встретились с его глазами цвета старого льда, такими светлыми, что в сумерках они казались почти белыми.

– Я всегда близко к краю, – ответила женщина, и улыбка её стала мягче, потеряла насмешливость, превратившись в нечто более хрупкое и настоящее. – Из крайности в крайность - моё естественное состояние. Привыкай.

Он не ответил. Вместо этого он подошёл совсем близко, сел на парапет рядом с ней, оставив между их бёдрами расстояние в ладонь, и протянул бутылку. Она взяла, сделала глоток, поморщилась от кислоты и передала обратно.

– У тебя руки дрожат, – заметила женщина, глядя не на его лицо, а на его пальцы, сжимающие горлышко. – Это из-за того, что случилось сегодня утром? Или из-за того, что ты хочешь мне сказать?

Он замер на несколько долгих секунд. Ветер принёс запах озона от дальних генераторов и едва уловимый аромат мятного чая, который всегда был с ним – может быть, из-за таблеток, которые он принимал от бессонницы, а может быть, из-за мыла, купленного пару лет назад и давно ставшего частью его самого, как родимое пятно или старый шрам, который никогда не заживёт до конца.

– И то и другое, – признался мужчина, и его голос дрогнул на последнем слове, но он взял себя в руки, потому что не позволял себе слабости – никогда, кроме как здесь, с ней, на этой крыше, под этими почти невидимыми звёздами. – Сегодня утром я казнил человека. Молодого. Девятнадцать лет. Он воровал еду для своей младшей сестры, и его поймали в четвёртый раз. Четвёртый раз по законам синдиката – смерть. Ты знаешь этот закон не хуже меня.

Женщина не отвела взгляд. Она смотрела на его профиль, на сломанный нос – перелом случился давно, ещё в юности, когда он дрался за кусок хлеба в интернате, – на его сжатые челюсти и на то, как под тонкой кожей на виске пульсировала жилка, выдавая напряжение, которое он так старательно прятал.

– И ты убил его, – сказала она не вопросом, а утверждением, потому что знала, как работают приказы в синдикате, и знала, что он не может их нарушать – не может, если хочет остаться внутри системы и продолжать свою двойную игру.

– Я убил его, – эхом отозвался мужчина, и его голос стал глухим, почти безжизненным, как будто он говорил не с ней, а с пустотой, которая разверзлась перед ним после того, как он нажал на спуск. – Я приставил нейроотключатель к его затылку, посмотрел ему в глаза и нажал кнопку. Он не кричал. Он просто упал. И это было хуже, чем если бы он кричал, потому что тишина всегда тяжелее любого крика. Тишина остаётся с тобой навсегда.

Он замолчал на несколько ударов сердца, и в этой тишине было слышно, как далеко внизу, на нижних уровнях синдиката, гудит транспорт и кто-то смеётся – быть может, пьяный техник, быть может, солдат, вернувшийся с облавы, быть может, тот, кому повезло больше, чем девятнадцатилетнему мальчишке, который хотел всего лишь накормить свою сестру.

– У него еще была девушка, – добавил мужчина, не глядя на женщину, потому что если бы он посмотрел на неё сейчас, он бы не смог продолжать. – Она стояла в первом ряду. Плакала. Я запомнил её лицо, потому что… потому что она была похожа на тебя. Те же глаза, та же линия скул, то же выражение отчаяния, когда человек понимает, что ничего не может изменить.

Теперь женщина замолчала. Она медленно выдохнула, и этот выдох был тяжёлым, полным того, что она не могла сказать вслух – слов, которые застревали в горле, потому что они были слишком большими для этого маленького мира, где каждый день приходилось выбирать между жизнью и смертью, между правдой и ложью, между любовью и долгом. Она взяла его руку – ту, которая сжимала бутылку, – и разжала его пальцы один за другим, а потом переплела свои с его, чувствуя, как его ладонь шершавая от мозолей и старая кровь въелась в кожу так глубоко, что никакое мыло не могло её отмыть.

– Ты не чудовище, – сказала она тихо, почти шёпотом, и в этом шёпоте было столько убеждённости, что он почти поверил. – Ты просто делаешь то, что должен, чтобы выжить. Чтобы мы когда-нибудь победили. Ты не чудовище, слышишь меня? Чудовища не плачут по тем, кого убивают.

Он горько усмехнулся, и эта усмешка была похожа на осколок стекла – острая, режущая, опасная, способная поранить того, кто коснётся её неосторожно.

– Я делаю это не ради победы, – возразил он, и в его голосе зазвучала та глубокая, давно похороненная боль, которую он никому не показывал – только ей, только здесь, в темноте, где никто не мог их увидеть. – Я делаю это, потому что боюсь умереть. И потому что боюсь потерять тебя. Это эгоизм, а не героизм. Запомни это.

Она придвинулась ближе, так что их плечи соприкоснулись, и её тепло проникло сквозь его чёрную форму, в которую он был одет, сквозь бронежилет и слои синтетической ткани, прямо к сердцу, которое он давно считал мёртвым.

– Ты меня не потеряешь, – сказала женщина, и в её голосе зазвучала та самая упрямая нотка, которая всегда появлялась, когда она спорила с законами физики или с приказами синдиката, когда отказывалась верить в невозможное и делала невозможное реальностью. – Я слишком живучая. И слишком злая, чтобы умереть по-настоящему. Я обещаю тебе: я выживу. Даже если ты меня потеряешь, я найду дорогу назад.

Он повернулся к ней, и его светлые глаза стали вдруг влажными, хотя ни одна слеза не скатилась по щеке – он разучился плакать много лет назад, ещё в военной школе, когда мальчиков учили, что слёзы – это слабость, а слабость – это смерть, и что хороший солдат не плачет даже над телом матери.

– Если нас поймают, – произнёс он медленно, и каждое слово давалось ему с трудом, как будто он выталкивал их из самой глубины грудной клетки, из того места, где боль живёт рядом с любовью и они неразличимы. – Если нас поймают, я сотру тебя. Полностью. Чисто. Без возможности восстановления. Это единственный способ спасти тебя от пыток. Если синдикат узнает, что ты создала эхо-чип, они будут выдирать из тебя информацию по кускам. Сначала ногти. Потом кожу. Потом нейроны, один за другим, пока от тебя не останется пустая оболочка. Ты не выдержишь. Никто не выдерживает. Я видел это своими глазами.

Женщина замерла. Её зелёные глаза расширились, и в них промелькнуло что-то – страх? Нет, не страх. Что-то более сложное, более горькое, более тяжёлое. Она знала, что он прав. Она знала это с того самого дня, как запаяла последний контакт на чипе, который мог переписать чужую личность и сделать человека оружием – с того дня, как поняла, что создала не просто устройство, а ключ к порабощению всего человечества.

– Ты не сможешь, – сказала она, и в её голосе зазвучала та самая насмешка, только теперь она была приправлена болью, такой острой, что у неё перехватило дыхание. – Ты слишком слаб, чтобы причинить мне боль. Ты не сможешь смотреть мне в глаза и стирать меня. Не сможешь. Я знаю тебя. Я знаю каждую трещину в твоей броне. Ты не сможешь.

Он молчал долго – так долго, что она уже решила, что он не ответит, что он просто уйдёт в темноту, оставив её одну с этой мыслью, с этой ложной надеждой, которую она сама же и создала. Ветер снова донёс запах мятного чая и озона, и где-то далеко завыла сирена – может быть, облава, может быть, учения, может быть, просто очередная ложная тревога, на которую никто не обращал внимания, потому что тревоги в этом городе звучали каждую ночь и никто уже не верил, что они когда-нибудь закончатся.

Мужчина медленно поднял руку и коснулся её щеки – кончиками пальцев, едва ощутимо, как будто боялся, что она исчезнет от его прикосновения, рассыплется в прах, как те звёзды, которые они не могли разглядеть в смоге, как те обещания, которые они давали друг другу и не могли сдержать.

– Я люблю тебя, – сказал он, и в этих словах не было ничего красивого или поэтичного – они были грубыми, как его руки, перепачканные чужой кровью, как его голос, срывающийся на хрип, как его сердце, которое билось слишком быстро и слишком громко. – Я люблю тебя. Поэтому я смогу. Именно потому, что люблю, я сделаю это. И буду ненавидеть себя за это до последнего вздоха.

Женщина посмотрела на него долгим взглядом, и в этом взгляде было всё: и недоверие, и принятие, и тот странный, невозможный свет, который заставлял её каждую ночь возвращаться на эту крышу, несмотря на риск, несмотря на то, что каждое их свидание могло стать последним, несмотря на то, что однажды это действительно случится, и ни она, ни он не будут к этому готовы.

– Тогда запомни это, – сказала она, наклоняясь к нему так близко, что её губы почти касались его уха, и её дыхание было тёплым и солёным от слёз, которые она не проливала, но которые душили её изнутри. – Запомни моё лицо. Запомни мой голос. Запомни, как пахнут мои волосы – дымом и чем-то сладким, я сама не знаю чем. Потому что если ты сотрёшь меня, я найду способ вернуться. Я найду способ вспомнить. Я прорвусь сквозь любую блокировку, сквозь любую защиту, потому что моя память – это не просто нейроны. Это я. И я не сдаюсь так легко. Это не угроза. Это обещание.

Он улыбнулся – той редкой улыбкой, которую никто не видел, кроме неё, и в его глазах на мгновение зажглось что-то, похожее на надежду, такой хрупкой, что она могла разбиться от одного неосторожного слова.

– Договорились, – прошептал он, и в этом шёпоте было столько облегчения, как будто она сняла с него тяжёлый груз, который он нёс годами. – Я буду ждать тебя. Даже если придётся ждать вечность.

А потом они сидели молча, глядя на огни мёртвого города, и ветер трепал их волосы, и никто из них не знал, что ровно через год он сдержит своё слово – и это будет самый страшный поступок в его жизни, поступок, который сломает его окончательно, превратит в ту самую пустую оболочку, о которой он говорил.

Но это случится потом. А сейчас была только ночь, дешёвое вино на дне пластиковой бутылки, звёзды, которых не было видно за смогом, и две сломленные души, которые ещё не знали, что самое страшное впереди – и что они переживут это вместе, даже если будут разделены тысячами километров и стёртой памятью.

Глава 1. Пустая.

Сознание возвращалось не рывком, а каплями – тяжёлыми, холодными, с металлическим привкусом на языке.

Сначала была тьма. Не та мягкая, обволакивающая темнота, в которую проваливаешься, когда засыпаешь в уютной постели, а агрессивная, давящая, как будто кто-то накрыл голову мокрым одеялом и прижимает его всё сильнее, отрезая от мира все чувства, кроме одного – глухого, пульсирующего страха, который живёт где-то в основании черепа и не даёт сделать вдох.

Потом пришли звуки.

Они появились из ниоткуда – тихий, монотонный гул вентиляции, который пробирался сквозь стены и, казалось, вибрировал прямо в костях; далёкий, едва различимый писк, похожий на тот, что издаёт медицинское оборудование, когда пациент подключён к капельнице; и ещё что-то – ритмичный, железный стук, словно где-то очень близко, возможно, этажом выше или ниже, кто-то мерно бил металлом по металлу, и этот звук был настолько ровным и механическим, что не походил на работу живого человека, а скорее напоминал дыхание огромной машины, которая перемалывает человеческие тела и выплёвывает наружу только то, что остаётся после переработки.

Эва не знала, как её зовут.

Это осознание пришло не сразу – сначала оно просто висело где-то на периферии, как смутное беспокойство, которому не придаёшь значения, потому что в голове слишком много других, более насущных сигналов: боль, например, или страх, или тошнота, которая подкатывает к горлу волнами и никак не хочет уходить. Но потом, когда она попыталась вспомнить хотя бы одно своё имя, хотя бы один день из своей жизни, хотя бы цвет стен в той комнате, где она проснулась в последний раз перед тем, как оказаться здесь, – она наткнулась на пустоту.

Не на черноту, не на запертые двери, за которыми что-то спрятано, а именно на пустоту. Абсолютную, выжженную пустоту, как будто кто-то взял грубую металлическую щётку и прошёлся ею по её воспоминаниям, соскребая не только детали, но и саму возможность вспоминать, оставляя после себя только голые, воспалённые нейроны, которые всё ещё пытались передавать сигналы, но не находили никаких данных для передачи.

“Где я?”

Вопрос пришёл сам собой, и она попыталась пошевелиться, но тело не слушалось – или слушалось, но слишком медленно, как будто каждый мускул был набит мокрым песком, и чтобы сдвинуть палец, требовалось усилие, сравнимое с подъёмом многотонной плиты. Она лежала на чём-то жёстком и холодном – скорее всего, на металлической койке, потому что под спиной не было ни матраса, ни простыни, только тонкий, вытертый до дыр слой пластика, который давно потерял способность смягчать и теперь лишь собирал влагу от её собственного тела, заставляя её чувствовать каждую каплю пота, стекающую по позвоночнику вниз, к пояснице, где кожа уже начала зудеть от раздражения.

Она открыла глаза – сначала левый, потом правый, потому что веки слиплись от какой-то липкой, маслянистой жидкости, которая, должно быть, защищала роговицу во время бессознательного состояния, но теперь только мешала, создавая на поверхности зрачков мутную, радужную плёнку.

Белый свет ударил по сетчатке с такой силой, что у неё перехватило дыхание, и она зажмурилась снова, чувствуя, как в глазах начинает пульсировать острая, режущая боль, которая разливается по глазницам и проникает в самый центр черепа, заставляя желудок сжиматься в тугой, болезненный узел. Она заставила себя считать до десяти, прежде чем попробовать снова – медленно, осторожно, приоткрывая веки на долю миллиметра, позволяя зрачкам при-

выкнуть к освещению, которое, как она теперь понимала, исходило не от одного источника, а от тысяч крошечных светодиодов, вмонтированных в потолок и стены, создавая эффект операционной – стерильной, безжалостной, не оставляющей ни тени, ни угла, где можно было бы спрятаться.

Потолок был белым.

Стены – белыми.

Пол – серым, но не потому, что таким был задуман, а потому что на белом кафеле засохли тёмные, бурые пятна, которые она не хотела опознавать, но её мозг, даже лишённый памяти, всё равно выдал диагноз: кровь. Здесь было много крови. Не свежей, не вчерашней – старой, въевшейся, которую оттирали сотни раз, но так и не смогли оттереть до конца, потому что она пропитала микротрещины в покрытии и теперь ждала, скрытая под слоем стерильности, как напоминание о том, что здесь вообще-то никто не собирался делать эту комнату уютной.

Комната была маленькой – три шага в длину, два в ширину, если идти от стены до стены, и когда Эви наконец смогла приподнять голову (шея затекла так сильно, что каждый градус наклона давался с хрустом, похожим на треск сухих веток под ногами), она увидела всё своё новое жилище целиком: металлическая койка, привинченная к полу, унитаз без сидения, раковина с одной-единственной кнопкой, которая выдавала воду только холодную и только тонкой, неумолимой струйкой, и дверь – сплошная, без ручки с внутренней стороны, покрытая тем же белым пластиком, что и стены, так что её можно было принять за часть стены, если не присматриваться специально.

Она была одна.

Или не одна, потому что в углу, где потолок встречался со стеной, висела маленькая чёрная камера, и её красный индикатор мигал в такт с писком, который она слышала раньше, – мерно, неумолимо, как отсчёт секунд до казни. Камера смотрела на неё немигающим стеклянным глазом, и Эви вдруг поняла с кристальной ясностью, что за ней наблюдают – не просто фиксируют её движения, а именно наблюдают, изучают, считывают каждое её дрожание век, каждое сокращение лицевых мышц, каждую попытку осмотреться и понять, где она оказалась.

Кто я?

Вопрос вернулся, но ответа по-прежнему не было, и это отсутствие ответа было хуже, чем если бы ей сказали, что она – преступница, или что она – жертва, или что она – просто расходный материал, который забыли в камере после окончания смены. Потому что когда нет ничего – ни имени, ни возраста, ни лица матери перед глазами, ни голоса отца, который зовёт тебя ужинать, – ты перестаёшь быть человеком. Ты становишься просто телом, которое дышит, и сердце которого бьётся, но зачем оно бьётся – непонятно никому, включая тебя саму.

Она попыталась сесть, и это удалось ей только со второго раза: сначала пришлось подтянуть колени к груди, используя ноги, которые дрожали, как будто их не нагружали годами, потом опереться на локти, которые тут же заныли от ссадин – она только сейчас заметила, что кожа на локтях содрана до крови, как будто её волокли по бетонному полу, – а потом, собрав всю волю в кулак, резко толкнуть себя вверх, переворачиваясь на бок и рискуя упасть с койки, потому что равновесие, казалось, покинуло её тело вместе с памятью.

Она удержалась.

Койка стояла низко, всего в тридцати сантиметрах от пола, так что падение в любом случае не было бы опасным, но сам факт того, что она смогла контролировать своё тело в достаточной степени, чтобы не рухнуть лицом вниз, вызвал в ней слабую, почти забытую вспышку чего-то, что можно было бы назвать гордостью, если бы она помнила, как это чувство выглядит со стороны.

Она села, свесив ноги с края койки, и посмотрела на свои руки.

Это были красивые руки, она поняла это сразу, даже в этом кошмарном свете, даже с перепачканными ногтями (под ногтями тоже была кровь – чужая? своя? она не могла опреде-

лить), даже со сбитыми костяшками и тонкими, едва заметными шрамами на пальцах, похожими на те, что оставляет работа с мелкими деталями, с проводами и чипами, с чем-то таким, что требует терпения и точности, которые не даются просто так, без долгих лет практики. Руки были миниатюрными, с длинными, изящными пальцами и аккуратными, овальными ногтями (не накрашенными, но ухоженными – как будто кто-то заботился о них совсем недавно), и на левом запястье, чуть выше костяного выступа, она заметила тонкую, серебристую линию – рубец от старого пореза, почти незаметный, если не знать, куда смотреть.

Она не знала, откуда у неё этот шрам, но почему-то ей показалось, что он связан с работой – с тем, что она делала руками, с тем, чем она занималась до того, как очнулась в этой белой комнате, в этом металлическом гробу, где единственным звуком был гул вентиляции и единственным цветом – отсутствие цвета.

Дверь открылась без предупреждения.

Не скрипнула, не щёлкнула – просто белая панель бесшумно сдвинулась в сторону, открывая проход, и на пороге появилась женщина в медицинском халате. Она была высокой, почти под два метра, с пепельными, коротко стриженными волосами и лицом, которое казалось вылепленным из воска – ни одной морщины, ни одной эмоции, только бледная, гладкая кожа и глаза такого бледно-голубого цвета, что они почти сливались с белками, делая её взгляд пугающе пустым, похожим на глаз рыбы, которая уже умерла, но всё ещё плавает в воде, подчиняясь рефлексам мёртвого тела.

Женщина держала в руках планшет – тонкую пластиковую пластину, на экране которой что-то мерцало, – и, когда она вошла в камеру, за ней в проходе Эва успела разглядеть ещё кого-то: силуэт в чёрной форме, с оружием на поясе, но дверь закрылась слишком быстро, и она не смогла рассмотреть детали – только мелькнувшее пятно тёмной ткани и блеск металла, отражённый в белых стенах.

– Доброе утро, единица-семь-четыре-девять, – произнесла женщина, и её голос оказался таким же безжизненным, как и её глаза – ровным, монотонным, лишённым всякого намёка на человеческое тепло или хотя бы на обычную медицинскую вежливость, которой врачи пользуются, чтобы успокоить пациентов. – Я вижу, вы пришли в себя. Это хорошо. Нам нужно провести несколько тестов, прежде чем вас переведут в основное крыло.

– Кто я? – спросила Эва, и её собственный голос прозвучал хрипло, как будто она не пила несколько дней (впрочем, это могло быть правдой – горло саднило, язык распух и казался чужим, не помещающимся во рту). – Где я? Что со мной случилось?

Женщина в халате не обратила внимания на её вопросы – или обратила, но сочла их не заслуживающими ответа, потому что её лицо не дрогнуло ни одним мускулом, когда она шагнула вперёд, приближаясь к койке, и протянула руку к шее Эвы, чтобы нащупать пульс. Пальцы у неё были холодными и сухими, и когда они коснулись кожи чуть ниже челюсти, Эва вздрогнула от этого прикосновения – не от боли, а от того, что оно было таким механическим, таким безличным, как будто она нащупывала не пульс живого человека, а температуру двигателя в машине, которую нужно проверить перед выездом из гаража.

– Память не восстановится, – сказала женщина, убирая руку и делая пометку на планшете – быстрым, отработанным движением, без единой заминки. – Стирание было качественным. Это не первый раз, когда мы имеем дело с дефектными образцами, но ваш случай особенный: имплант разрушен на девяносто семь процентов, остаточные связи есть, но они не образуют связанных паттернов. Вы никогда не вспомните, кем вы были. Смиритесь с этим сейчас – это сэкономит вам много слёз в будущем.

– Дефектный образец? – переспросила Эва, и в её голосе вдруг прорезалась какая-то острота, которой она не ожидала от себя – может быть, потому что даже без памяти её тело помнило, как злиться, как сопротивляться, как не принимать чужой вердикт без боя. – Я не образец. Я человек. У меня должно быть имя.

– У вас есть номер, – поправила её женщина с видом учительницы, которая объясняет прописную истину непонятливому ребёнку. – Семь-четыре-девять. Единица означает, что вы признаны пригодной для программы «Эхо». Семёрка – ваш генетический класс, четвёрка – уровень стабильности нейронной сети, девятка – порядковый номер в текущей партии. Этого достаточно для идентификации. Имена – это роскошь, которую синдикат предоставляет только полноценным гражданам. А вы, – она сделала паузу, и в её пустых глазах на мгновение промелькнуло что-то, похожее на удовлетворение, – вы теперь не гражданин. Вы инкубатор.

Эва почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось – не физически, не ментально, а где-то на той границе, где тело встречается с душой, если, конечно, душа существует и её нельзя стереть вместе с памятью. Она не знала, что означает слово «инкубатор» в контексте этого места, в этом мире, который она не помнила, но её мозг, лишённый биографических данных, всё равно выдал набор ассоциаций: тепло, влажность, искусственная среда, выращивание чего-то ценного внутри чужого тела, и это было настолько отвратительно, что её затошнило по-настоящему, и она едва успела отвернуться, чтобы не вырвать на колени себе.

Женщина в халате наблюдала за её рвотными позывами с тем же бесстрастным интересом, с каким лаборант наблюдает за реакцией в пробирке – отмечает цвет, консистенцию, скорость протекания, делает пометки в блокноте, ни на секунду не забывая, что он здесь – учёный, а пробирка – просто объект исследования, и ни о какой эмпатии не может быть и речи.

– Это пройдёт, – сказала она, когда спазм отпустил, и Эва снова смогла дышать, глубоко и часто, чувствуя, как холодный воздух царапает горло. – Тошнота – побочный эффект стирания. Нейроны в височной доле восстанавливаются неравномерно, отсюда вестибулярные нарушения и дисфункция желудочно-кишечного тракта. Вам дадут лекарства после первичного осмотра.

– Как меня звали? – спросила Эва, вытирая рот тыльной стороной ладони и чувствуя кислый привкус на губах. – Ты знаешь. Ты должна знать. В твоём планшете есть мои данные. Как меня звали до того, как вы меня стёрли?

Женщина посмотрела на экран, потом снова на Эва, и на её бесстрастном лице вдруг появилось нечто, отдалённо напоминающее улыбку – только это была не человеческая улыбка, а скорее гримаса, которую практикуют перед зеркалом актёры, когда репетируют роль злодея, но переигрывают, потому что настоящий злодей никогда не улыбается так широко и так открыто.

– Это имя больше не существует, – ответила она, убирая планшет под мышку и делая шаг назад, к выходу. – Как и человек, который его носил. Вы – пустое место, единица-семь-четыре-девять. Забудьте о прошлом. У вас его нет. Есть только настоящее, и в этом настоящем вы принадлежите синдикату, а синдикату от вас нужно только одно: ваше тело, ваша матка и ребёнок, которого вы выносите.

– Ребёнок? – Эва почувствовала, как холод поднимается от копчика к затылку, заставляя каждый волосок на её теле встать дыбом. – Я беременна?

– Пока нет, – женщина остановилась у двери, и белая панель снова бесшумно сдвинулась, открывая проход в коридор, где Эва теперь чётко увидела двух охранников в чёрной броне с нейро-дубинками на поясе. – Но станете. Это вопрос времени и расписания. Вас оплодотворят в ближайший цикл. Донор уже выбран – элитная генетическая линия, высокая устойчивость к радиации и нейроинтерфейсам. Ребёнок будет ценным активом. А вы, – она обернулась на пороге, и её пустые глаза на секунду задержались на лице Эвы, изучая его так, как энтомолог изучает бабочку, которую только что приколол булавкой к пробковой доске, – вы будете просто контейнером. На девять месяцев. И если вы будете вести себя хорошо, возможно, вам позволят увидеть ребёнка перед тем, как его заберут. Если нет – ну что ж… Контейнеры заменяемы.

Дверь закрылась, отрезая свет из коридора, и Эва снова осталась одна в белой комнате, с гудящей вентиляцией и красным глазом камеры, которая продолжала мигать, и мигать, и мигать.

Она опустила голову и посмотрела на свои руки – красивые, ухоженные руки, которые держали что-то важное, что-то, что она потеряла навсегда, что-то, что синдикат забрал у неё вместе с памятью, вместе с именем, вместе с правом называться человеком.

“Я найду способ вспомнить”, – подумала она, и эта мысль пришла не из пустоты, где должны были быть воспоминания, а откуда-то глубже – из той части её существа, которую даже самое качественное стирание не могло затронуть, потому что эта часть не была памятью. Это была воля. Упрямая, злая, отчаянная воля, которая отказывалась сдаваться даже тогда, когда сдаваться было единственным разумным решением.

Она лежала на холодной койке, глядя в белый потолок, и ждала.

Ждать было единственным, что она умела сейчас – кроме дышать, кроме моргать, кроме чувствовать, как в груди растёт твёрдый, колючий ком ненависти к тем, кто забрал у неё её же собственную жизнь.

Красный глаз камеры продолжал мигать.

Где-то на другом этаже этого здания, в комнате без окон, освещённой только холодным сиянием десятков мониторов, человек в чёрной маске сидел неподвижно, как статуя, встроенная в кресло. Его пальцы лежали на клавиатуре, но не нажимали ни одной клавиши – застыли в миллиметре от пластика, как будто время для него остановилось.

На центральном экране – самом большом, с самым чётким разрешением – была она.

Её лицо, бледное в безжалостном белом свете, её глаза, которые смотрели в потолок с выражением, которое он не мог прочитать, но которое заставляло что-то сжиматься у него в груди. Или не в груди – он давно перестал различать, где кончается тело и начинается пустота.

Он не знал её.

В том смысле, в каком нормальные люди знают друг друга – по именам, по историям, по общим воспоминаниям. Он знал только её номер, её генетический профиль и тот факт, что её имплант разрушен на девяносто семь процентов, что делало её дефектной – бесполезной для большинства задач, но идеально подходящей для программы «Эхо». В её теле был редкий нейротрансмиттер, который синдикат хотел изучить и воспроизвести. Для этого нужен был ребёнок. Один, два, три – столько, сколько выдержит организм.

Он прочитал её досье три раза.

Каждый раз одно и то же: имя стёрто, возраст приблизительный, происхождение неизвестно, навыки – фрагментарные данные, не поддающиеся расшифровке. Она была никем. Пустым местом. Белым листом, на котором синдикат собирался написать свой приказ.

И всё же, когда он смотрел на экран, на её неподвижное лицо, на её руки, лежащие на металлической койке, что-то в его сознании давало сбой – короткий, едва уловимый импульс, похожий на статическое электричество, которое накапливается перед грозой. Он не мог объяснить его. Не мог назвать. Не хотел называть.

Это была слабость.

А главный инквизитор не имел права на слабость. Слабость стоила ему слишком дорого много лет назад, когда он был молодым и глупым, когда верил, что можно служить системе и оставаться человеком. Система выбила из него эту веру так же чисто, как его собственные руки выбивали память из тысяч заключённых до неё.

Он откинулся в кресле, и пластиковая спинка издала тихий, жалобный скрип – единственный звук в этой комнате, кроме гула вентиляции, который преследовал его повсюду, даже во сне, даже в тех редкие минуты, когда ему удавалось забыться на пару часов между допросами и казнями.

На другом экране, маленьком и почти незаметном, мигал список задач на завтра: **07:00 – приём новой партии дефектных. 08:30 – осмотр и распределение по крыльям. 10:00 – первичная документация по единице-749.**

Он будет её куратором.

Не потому, что выбрал её. Потому что так выпала очередь, потому что её генетическая группа попала в его сектор, потому что старший инквизитор получает самых сложных заключённых, а дефектные с разрушенным имплантом всегда сложные – они непредсказуемые, агрессивные, они не подчиняются стандартным протоколам контроля эмоций, потому что контролировать просто нечего.

Он посмотрел на её лицо ещё раз – в упор, сквозь объектив камеры, которая видела всё и не умела лгать.

Она не походила на других.

Но это ничего не значило. Никто не походит на других, когда впервые попадает в камеру. Все они сначала смотрят в потолок с ненавистью, все они обещают себе выжить, все они ломаются через месяц, через два, через три. Некоторые – быстрее. Она ломается. Всегда ломаются.

Он выключил монитор.

Тьма в комнате стала полной – даже красный индикатор на потолочной камере здесь был выключен, потому что главному инквизитору не требовался надзор. Он сам был надзором. Он сам был системой. Он сам был тем механизмом, который перемалывает человеческие судьбы в пыль.

Он встал, подошёл к стене и прижался лбом к холодному пластику.

Никаких мыслей.

Никаких чувств.

Никаких воспоминаний.

Завтра он увидит её вживую. Завтра он наденет маску – не ту, чёрную, что скрывает лицо, а ту, невидимую, что скрывает всё остальное. Он будет холодным. Безжалостным. Идеальным. Потому что искупления не существует. А если бы и существовало – он не заслужил его. Он никогда никого не спасал. И не начнёт завтра.

Глава 2.

Дверь закрылась, и белая комната снова стала гробом.

Эва сидела на краю койки, вцепившись пальцами в холодный металл, и пыталась заставить себя дышать ровно, потому что каждый слишком глубокий вдох отдавался в груди острой, колющей болью, которая не была похожа на боль от ушиба или сломанного ребра – она была глубже, где-то там, где лёгкие соприкасаются с позвоночником, и возникало ощущение, что кто-то невидимый сжимает её рёбра в тисках, постепенно, с каждым выдохом, уменьшая расстояние между ними.

“Инкубатор”.

Слово повисло в воздухе, как запах дезинфекции – въедливый, неистребимый, проникающий в поры, в волосы, в самые мелкие трещинки сознания, откуда его невозможно вытравить, даже если соскрести с языка всю слизистую и промыть горло кислотой.

Она не знала, что оно означает на самом деле, но её тело знало. Живот сжался в тугой, болезненный узел, а между ног появилось ощущение влажности и холода, как будто кто-то уже начал подготовку к процедуре, о которой она не смела думать, потому что думать об этом значило признать, что она больше не принадлежит себе, что её тело – всего лишь контейнер, сосуд, инкубатор для чужой жизни, которая вырастет внутри неё, а потом её выкинут, как использованную пробирку, как отработанный материал, у которого нет имени, нет лица, нет будущего.

Красный глаз камеры мигал.

Она посмотрела на него, и впервые за то короткое время, что она себя помнила, в ней шевельнулось что-то, кроме страха и тошноты. Это было любопытство, перемешанное с холодным, расчётливым интересом – чувство, которое, казалось, пришло не из пустоты, а из тех глубоких слоёв её личности, которые стёртая память не смогла затронуть, потому что они не были воспоминаниями. Они были инстинктами. Рефлексами. Тем, что остаётся, когда стирают всё остальное.

Камера была старой – она заметила это сразу, как только позволила себе расслабить глаза и посмотреть не на сам объект, а на детали: пластиковый корпус потрескался по углам, линза запотела изнутри, а красный индикатор мигал с лёгким, почти неуловимым сбоем в ритме – не равномерно, а с микроскопическими задержками, которые могли означать только одно: устройство не обслуживали годами, а может быть, и десятилетиями, и его чувствительность была уже не той, что в первый день установки.

“В зоне мёртвых углов можно спрятаться”, – подумала она, и эта мысль была такой чужой и одновременно такой своей, что у неё перехватило дыхание. Откуда она знала про мёртвые углы видеокамер? Откуда знала, что такое угол обзора, фокусное расстояние, частота обновления кадров?

Её пальцы, всё ещё сжимающие край койки, вдруг задрожали – но не от страха, а от внезапного, почти болезненного прилива информации, которая хлынула откуда-то изнутри, из тех самых нейронов, которые женщина в халате назвала «остаточными связями». Схемы, чертежи, частоты, коды – всё это всплывало перед глазами, как будто кто-то включил проектор внутри её черепа и начал прокручивать плёнку с технической документацией, только без картинок, одними формулами и цифрами, которые складывались в понятные, стройные конструкции, подчиняющиеся законам логики и физики.

Она не помнила, как научилась этому.

Но она умела.

И это знание было страшнее, чем пустота, потому что оно доказывало: она была кем-то. Не просто телом, не просто инкубатором, а человеком с навыками, с образованием, с про-

шлым, которое у неё украли. И если у неё были навыки – значит, была и личность. А если была личность – значит, она могла вернуть её. По кускам. По крохам. По этим остаточным связям, которые не давали ей покоя, подкидывая обрывки формул и образы старых чипов.

Дверь открылась снова.

На этот раз в проходе стояли двое – оба в чёрной броне, с прозрачными щитками на лицах, за которыми угадывались смутные, обезличенные черты, одинаковые, как у близнецов, выращенных в одной пробирке. У одного на поясе висела нейро-дубинка – короткий, чёрный цилиндр с мерцающим синим огоньком на конце. У другого – наручники, но не обычные, а с толстыми пластиковыми кабелями, уходящими в небольшой блок на поясе, который, судя по виду, мог не только сковывать движения, но и бить током при любой попытке сопротивления.

– Подъём, единица-семь-четыре-девять, – произнёс тот, что с дубинкой, и его голос был лишён всякой интонации – даже той фальшивой вежливости, которой пользовалась женщина в халате. Он звучал как запись автоответчика, как механическое предупреждение перед запуском реактора: коротко, сухо, безжалостно. – Первичный осмотр. Шевелись.

Эва не шевельнулась.

Она продолжала сидеть на койке, глядя на охранников немигающим взглядом, и её зелёные глаза, в которых ещё минуту назад плескался страх, теперь стали жёсткими, как осколки стекла, – она не знала, откуда в ней взялась эта смелость, это упрямство, которое заставляло её стискивать зубы и не подчиняться приказу, даже когда всё тело кричало от усталости и боли.

– Я сказал, шевелись, – повторил охранник, и в его голосе прорезалась первая эмоция за всё время – раздражение, такое же механическое, как и его предыдущие фразы, но всё же живое. – Или ты хочешь, чтобы мы тебя понесли? У нас нет времени на твои капризы.

– Куда вы меня ведёте? – спросила Эва, и её голос прозвучал ровно, почти спокойно, хотя внутри всё дрожало, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. – И кто дал вам право запирать меня здесь? Я гражданин. У меня есть права.

Охранники переглянулись – коротко, едва заметно, но этот обмен взглядами сказал Эва больше, чем любой устный ответ. В их глазах, мелькнувших за прозрачными щитками, она прочитала не жалость, не сочувствие, а скуку – ту особую, усталую скуку людей, которые каждый день видят одно и то же: заключённых, которые кричат о правах, о свободе, о справедливости, и каждый раз их усмиряют, и каждый раз они замолкают, и каждый раз всё начинается заново, как бесконечная запись на заезженной плёнке.

– У тебя нет прав, – сказал второй охранник, тот, что с наручниками, и в его голосе, в отличие от первого, звучала лёгкая, почти ленивая насмешка, как будто он получал удовольствие от того, что произносит эти слова, что наблюдает за реакцией, что видит, как лицо собеседника вытягивается от неожиданности. – Ты – дефектная. Дефектные не имеют прав. Дефектные – это расходный материал. Их используют, а потом утилизируют. Так написано в уставе синдиката, параграф двенадцать, пункт три. Если хочешь, я могу процитировать, но боюсь, твой имплант всё равно не сможет его записать.

– Дефектная? – переспросила Эва, и её брови сошлись к переносице, образуя между ними тонкую, вертикальную морщинку, которая, казалось, прорезала кожу глубже, чем любой шрам. – Что это значит? Я не дефектная. Я… – она запнулась, потому что следующее слово должно было быть «человек», но она вдруг поняла, что в этом мире, судя по всему, понятие «человек» не распространяется на таких, как она, на тех, у кого нет импланта, на тех, кого назвали дефектными, на тех, кого стёрли и превратили в пустые сосуды для чужих детей.

– Имплант разрушен, – пояснил первый охранник, и в его голосе снова появилась та механическая отстранённость, которая, как поняла Эва, была для него чем-то вроде профессиональной маски, надёжно скрывающей любые человеческие чувства. – Без импланта ты – никто. Не можешь записывать память, не можешь пользоваться городскими сервисами, не можешь подтвердить личность. Ты – биологический мусор. Но твоя матка, – он сделал паузу, и его

глаза за щитком на мгновение скользнули вниз, к её животу, оценивающе, как взгляд мясника, выбирающего кусок на разделочной доске, – твоя матка представляет ценность. Поэтому ты не в мусорной яме, а здесь. Радуйся.

Эва почувствовала, как внутри неё поднимается волна горячей, слепой ярости – такого сильной, что у неё потемнело в глазах, а в ушах зашумело, как будто она стояла на краю обрыва, и ветер дул прямо в лицо, не давая сделать вдох.

Она не помнила, какой была до стирания, но её тело помнило, как сжимать кулаки, как стискивать зубы до скрежета, как бросаться вперёд, не думая о последствиях, когда справедливость попиралась, а человеческое достоинство втаптывалось в грязь. Она вскочила с койки.

Движение было резким, нескоординированным – ноги подкосились, и она едва не упала, но удержала равновесие, вцепившись в стену, в холодный, гладкий пластик, который не давал ни малейшей опоры, потому что был слишком скользким, слишком стерильным, чтобы на него можно было опереться по-настоящему.

– Я не мусор, – произнесла она, и её голос дрожал, но не от страха, а от той самой ярости, которая жгла горло, как кислота, и требовала выхода, требовала действия, требовала крови, если понадобится. – Я не инкубатор. Я человек. И вы не имеете права…

Она не договорила.

Второй охранник шагнул вперёд быстрее, чем она успела моргнуть, и его рука, затянутая в чёрную перчатку, сомкнулась на её плече – не больно, но крепко, как стальной зажим, который фиксирует деталь перед тем, как пустить в ход сверло. В то же мгновение она почувствовала, как что-то кольнуло её в шею – не игла, нет, что-то другое, более тонкое и более страшное, потому что укол был не физическим, а электрическим.

Разряд прошёл сквозь тело, как расплавленный свинец.

Она не могла кричать – голосовые связки свело судорогой, и воздух вырвался из лёгких беззвучным, хриплым стоном, похожим на тот, что издают звери, попавшие в капкан, когда понимают, что освободиться не удастся, и остаётся только ждать, когда придёт охотник и добьёт их, чтобы прекратить мучения. Её тело выгнулось дугой, пальцы разжались, и она рухнула на колени, ударившись костями о холодный кафель, но боли от удара почти не почувствовала, потому что боль от разряда была сильнее, намного сильнее – она пульсировала в каждом нерве, в каждой клетке, в каждом миллиметре кожи, превращая тело в один сплошной, непрерывный крик, у которого нет звука, есть только ощущение.

– Шейный имплант, – объяснил первый охранник, глядя на неё сверху вниз, как на насекомое, которое перестало дёргать лапками и теперь лежит неподвижно, готовое к препарированию. – Его вживляют всем дефектным. Реагирует на агрессию, на попытку побега, на любое нарушение дисциплины. Один удар – и ты падаешь. Второй – и ты можешь не встать. Третий – и ты умрёшь, потому что сердце не выдержит. Умный синдикат, правда? Не надо бить, не надо ломать кости, не надо тратить ресурсы на успокоительное. Просто нажал кнопку – и заключённый уже шелковый.

Эва лежала на полу, прижимаясь щекой к холодному кафелю, и чувствовала, как по лицу текут слёзы – не от боли, нет, боль уже начала отступать, оставляя после себя тупое, ноющее ощущение, похожее на похмелье, – а от унижения. От того, что она не смогла даже ударить их, даже плюнуть в лицо, даже произнести проклятие, потому что её тело перестало подчиняться ей в ту секунду, когда разряд коснулся импланта, и она поняла, что отныне она – не хозяйка своей плоти, а всего лишь пассажир, который сидит внутри и смотрит в окно, но не может повернуть руль.

– Вставай, – приказал второй охранник, и в его голосе уже не было насмешки – только усталое, брезгливое раздражение, как у человека, который вынужден возиться с грязной работой, вместо того чтобы пить кофе в тёплой столовой. – Хватит валяться. У нас график.

Она поднялась.

Не потому, что хотела подчиниться, а потому, что поняла: сейчас каждое её движение – это выбор между жизнью и смертью, и если она умрёт здесь, в этой белой комнате, под красным мигающим глазом камеры, то никто никогда не узнает, кем она была, что она сделала, за что её стёрли. А ей нужно было узнать. Ей нужно было выжить, чтобы вспомнить, чтобы понять, чтобы, возможно, отомстить.

Она встала на дрожащие ноги, схватившись за край койки, чтобы не упасть снова, и посмотрела на охранников взглядом, в котором не было ни страха, ни ненависти – только холодная, тяжёлая решимость, которая пугала их, возможно, даже больше, чем если бы она бросилась на них с кулаками.

– Ведите, – сказала она, и её голос был хриплым, но ровным, как натянутый трос, который выдерживает нагрузку, но вот-вот лопнет. – Куда скажете.

Охранники снова переглянулись, и на этот раз в их взглядах мелькнуло что-то, похожее на удивление – они привыкли к крикам, к мольбам, к истерикам, но не к такому спокойствию, не к такой покорности, за которой чувствовалась сталь, а не сломленность.

Первый охранник пожал плечами и жестом указал на дверь.

– Пошли.

Коридор был длинным и бесконечным, как пищевод гигантского зверя, который проглотил её и теперь медленно переваривал, перегоняя из одного отсека в другой, каждый раз приближая к тому месту, где желудочный сок разъедает последние остатки человеческого. Стены здесь были не белыми, а серыми – грязно-серыми, с тёмными разводами, которые могли быть плесенью, а могли быть старой кровью, въевшейся в пластик так глубоко, что её невозможно было отмыть даже промышленными растворителями. Пол под ногами вибрировал – где-то глубоко внизу работали генераторы, двигатели, насосы, которые поддерживали жизнь в этом огромном, бездушном теле синдиката, перекачивали воздух, воду, электричество, как кровь по артериям, питая миллионы клеток-людей, которые даже не подозревали, что они – всего лишь клетки, а не самостоятельные организмы.

– Синдикат, – произнёс первый охранник, заметив её взгляд, скользящий по стенам, по потолку, по рядам одинаковых дверей, похожих одна на другую, как близнецы. – Ты не знаешь, что это такое, да? Память стёрли, мозги промыли, осталась одна пустая башка. Ладно, объясню на ходу, чтобы ты понимала, где оказалась.

Они шли медленно – Эви всё ещё не могла нормально двигаться после разряда, ноги подкашивались, и каждый шаг давался с трудом, но она старалась не показывать слабости, держала спину прямой, а голову – высокой, как будто она была не дефектной, а по крайней мере членом Совета, которого ведут на церемонию награждения.

– Синдикат – это всё, – продолжал охранник, и в его голосе зазвучали нотки, которые при других обстоятельствах можно было бы назвать гордостью, но здесь, в этом сером, вонючем коридоре, они звучали как издевательство. – Правительство, корпорации, армия, полиция – всё в одних руках. Они контролируют нейроимпланты, они контролируют генетику, они контролируют, кто живёт, а кто умирает, кто размножается, а кого стерилизуют. Три касты: синдикат, имплантированные и естественные. Синдикат – наверху. Имплантированные – середнячки, у них есть чипы, они могут работать, пользоваться городскими сетями, покупать, продавать, даже голосовать на местных выборах. А естественные – отбросы, те, кто отказался от чипов. Живут в резервациях, работают рабами, сдают органы за еду. Но ты, – он остановился и повернулся к ней, так что его щиток оказался в нескольких сантиметрах от её лица, и она увидела своё отражение в прозрачном пластике – бледное, измождённое, с растрёпанными волосами и тёмными кругами под глазами, – ты даже не естественная. Ты – дефектная. Ниже дна. Ты – не человек для них. Ты – контейнер.

– Программа «Эхо», – добавил второй охранник, открывая одну из дверей и жестом приглашая её войти. – Это специальная программа воспроизводства. Синдикату нужны дети с

врождёнными имплантами, чтобы не оперировать каждого новорождённого. Дешевле выращивать их в специально отобранных матках. Таких, как ты. Женщины с редкими генетическими маркерами. Вы – инкубаторы. Вас оплодотворяют от элитных доноров, вы вынашиваете девять месяцев, рожаете, и ребёнка забирают. Потом – следующий. И так два-три раза, пока организм не износится. Потом – утилизация.

– А если я откажусь? – спросила Эви, переступая порог комнаты, которая оказалась точной копией предыдущей – та же койка, тот же унитаз, та же камера в углу, только теперь на стене висело зеркало, и в нём она увидела себя в полный рост: маленькую, хрупкую, с волосами, спутанными в колтуны, и шрамом на левой ключице – старым, зажившим ожогом, который, должно быть, был чем-то очень болезненным, очень личным, очень важным.

– Откажешься? – переспросил первый охранник, и его губы, видимые через щиток, растянулись в улыбке, которая не касалась глаз. – Ты только что попробовала, что такое отказ. Хочешь попробовать ещё раз? На третий раз имплант может не выдержать, и ты умрёшь. Синдикат не любит тратить ресурсы, но на одну дефектную ему наплевать. Инкубаторов много. Если ты не согласна – мы найдём другую. Ты не уникальна.

Она посмотрела на своё отражение – на зелёные глаза, на тонкие черты лица, на пухлые губы, которые, казалось, созданы для улыбки, но сейчас были сжаты в тонкую, безжалостную линию. В этом лице, в этом теле, в этих руках, которые держали когда-то невесть что, было что-то, что не соглашалось умирать. Что-то, что говорило: «Я выживу. Я переживу это. Я выберусь. И тогда они пожалеют, что не убили меня сразу».

– Я согласна, – сказала она, и эти два слова стоили ей больше, чем любой крик, любая мольба, любое унижение, потому что, произнося их, она заключала сделку с дьяволом, продавала своё тело, свою свободу, своё будущее – но сохраняла жизнь. А жизнь была нужна ей, чтобы однажды разрушить этот мир до основания.

Охранники переглянулись, и на этот раз в их взглядах не было удивления – только удовлетворение, как у продавцов, которые только что всучили покупателю просроченный товар по цене свежего.

– Умная девочка, – сказал второй охранник, закрывая дверь. – Отдыхай. Завтра тебя переведут в основное крыло. Там твоим новым куратором будет… интересный человек. Не скучай.

Дверь закрылась, замок щёлкнул, и Эва снова осталась одна. Она подошла к зеркалу, прижалась к нему лбом, чувствуя холод стекла, и прошептала в пустоту:

– Я вспомню. Я вспомню, кто я. И тогда вы все сгорите.

Красный глаз камеры продолжал мигать.

И где-то далеко, в другом крыле этого огромного, бесконечного здания, человек в чёрной маске сидел перед монитором, смотрел на её изображение и сжимал кулак так, что костяшки побелели.

Завтра, – подумал он. *Завтра я увижу её вживую...*

Его губы под маской шевельнулись, произнося имя, которое нельзя было произносить вслух:

– Эва.

Глава 3.

Дверь открылась ещё до того, как Эва успела понять, что проснулась, и первое, что она почувствовала, было не присутствие людей, а изменение воздуха, потому что в камере вдруг стало холоднее, будто вместе с открывшимся проёмом внутрь просочился коридорный сквозняк, пахнущий металлом, антисептиком и чем-то горьким, химическим, от чего першило в горле. Она лежала неподвижно, глядя в белый потолок, на котором не было ни единой трещины, ни одного пятна, ни даже той мелкой пылинки, которая могла бы доказать, что здесь когда-нибудь существовал настоящий воздух, а не стерильная смесь, которую система подавала в комнаты по расписанию.

– Вставай!

Голос был мужским, спокойным, лишённым раздражения, и именно поэтому Эва сразу поняла, что перед ней не тот человек, который будет спорить или угрожать. Охранник просто выполнит приказ, каким бы этот приказ ни оказался.

Она села на койке, медленно, стараясь не показать, насколько тяжело ей даётся даже это простое движение. После вчерашнего разряда мышцы всё ещё отзывались тупой, глубокой болью, будто электричество не ушло окончательно, а осталось где-то под кожей, спрятавшись в нервах и ожидая нового повода напомнить о себе.

– Куда?

Охранник не ответил.

За ним стоял второй, такой же безликий в чёрной форме и прозрачном щитке, и Эва вдруг поймала себя на том, что рассматривает их не как людей, а как систему признаков: рост, положение рук, оружие, количество шагов до двери, угол, под которым камера в коридоре смотрит на помещение. Она не знала, откуда у неё появилась эта привычка, потому что ещё вчера не могла вспомнить даже собственного имени, но сейчас мозг сам собирал детали, будто делал это всю жизнь.

Она встала.

Коридор оказался другим.

Не тем серым проходом, по которому её вели после пробуждения, а более узким, почти бесшумным, с матовыми стенами и тонкими зелёными полосами вдоль пола. Свет здесь был приглушённым, и впервые за всё время Эва увидела не просто камеры, а их расположение, их слепые зоны, места, где объективы пересекались, и места, где один коридор на несколько секунд выпадал из поля зрения другого.

Она замедлила шаг.

– Быстрее.

Эва подчинилась, но мысленно запомнила поворот.

Первый.

Второй.

Лестница вниз.

Шлюз.

Ещё один коридор.

Она не знала, зачем запоминает это сейчас, когда за ней идут два вооружённых человека, а шейный имплант может превратить попытку побега в судорогу и смерть, но внутри уже сформировалась простая мысль: если однажды ей понадобится отсюда выйти, она не должна начинать вспоминать дорогу в тот момент.

Они остановились перед дверью.

На матовой поверхности не было номера.

Охранник приложил ладонь к сканеру.

Дверь открылась.

Эва переступила порог и остановилась.

Комната была просторнее её камеры, но это не делало её менее страшной. Здесь стояли металлический стол, два кресла, медицинский модуль и высокий прозрачный экран, на котором плавали строки данных. Всё выглядело так, словно помещение предназначалось одновременно для кабинета и операционной, и эта мысль заставила её живот болезненно сжаться.

– Сядьте.

Она не села.

– Кто будет проводить осмотр?

Ответ пришёл не сразу.

Сначала за дверью раздались шаги.

Размеренные.

Неторопливые.

Эва услышала их раньше, чем увидела человека, и почему-то сразу почувствовала, как внутри всё напряглось, хотя ещё не знала, кто именно идёт по коридору. В этом звуке было что-то слишком уверенное, слишком привычное для места, где все остальные старались ходить бесшумно.

Дверь открылась.

Он вошёл один.

Высокий мужчина в чёрной форме, без оружия на виду, с тёмными волосами, в которых уже проступала седина, и лицом, которое казалось слишком спокойным для человека, имеющего право решать чужую судьбу. Он не смотрел на охранников, не проверял экран, не спрашивал, всё ли готово. Просто подошёл к столу и положил на него тонкий металлический планшет.

Эва поймала его взгляд.

Ледяной.

Ровный.

Почти бесцветный.

И всё же на одно короткое мгновение ей показалось, что внутри этого взгляда что-то дрогнуло.

Она моргнула, но ничего. Только холод.

– Эва Кортес?

– Вам виднее кто я!

Он посмотрел на экран.

– Я главный инквизитор Синдиката. Кейден.

Она не ответила.

Имя ничего ей не сказало.

И всё же где-то глубоко внутри возникло ощущение, будто она только что услышала слово, которое когда-то знала слишком хорошо.

– Вы понимаете, где находитесь?

– В учреждении Синдиката.

– Уже лучше.

Эва посмотрела на его лицо, пытаясь понять, что именно должно было произойти внутри неё после этих слов: страх, уважение, покорность. Ничего не произошло. Только та же странная пустота, в которой иногда возникали короткие вспышки чужой памяти.

– Что делает инквизитор?

– Принимает решения, которые другие предпочитают не принимать.

– Например?

– Наказывает.

Он сказал это настолько спокойно, что Эва почувствовала холод вдоль позвоночника.

– Тогда я предполагаю, что сегодня вы пришли наказать меня.

– Сегодня я пришёл осмотреть вас.

– А если я откажусь?

Кейден некоторое время смотрел на неё.

– Вы уже знаете ответ.

Эва не села.

Тогда он подошёл ближе.

– Садитесь.

– Нет.

– Эва!

Она замерла.

Он произнёс её имя впервые, и это почему-то прозвучало иначе, чем когда его произносили охранники, словно имя не являлось номером в системе, а было чем-то личным, чем-то, что он уже произносил раньше.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? Вы знаете кем я была ??

– Ваша карта передо мной.

Ответ был слишком быстрым.

Эва это заметила.

Он тоже.

Между ними повисла короткая пауза. Затем он сделал едва заметный жест, и техники вошли в комнату.

Дальше всё происходило без спешки, но именно эта размеренность делала процедуру невыносимой. Её заставляли раздеться, проверяли старые рубцы, измеряли давление, подключали датчики, снимали показатели нервной системы, задавали вопросы о боли, сне, памяти, цикле, реакции на медикаменты, и каждый раз, когда Эва пыталась возразить, ей спокойно напоминали, что отказ не предусмотрен протоколом.

Кейден стоял рядом. Он не касался её, нет, но от этого его присутствие ощущалось ещё сильнее.

Когда техник достал тонкий металлический инструмент, Эва резко дёрнулась.

– Что это?

– Детектор стресса.

– Нет.

– Он необходим.

– Нет.

Она сделала шаг назад.

Датчик на шее коротко пискнул.

Кейден посмотрел на экран.

– Не двигайтесь.

– Вы специально сделали так, чтобы мне было больно.

– Система не делает ничего специально.

– Система – это вы! - крикнула изо всех сил Эва. Голова шла кругом от всей этой ситуации. Она до сих пор не могла поверить, что это все происходит именно с ней.

На его лице ничего не изменилось, но пальцы, лежавшие на краю стола, едва заметно сжались.

– Иногда, – сказал он тихо, – единственный способ выжить внутри системы – перестать считать себя её частью.

Эва не успела понять, зачем он это сказал.

Металл коснулся кожи. Боль пришла мгновенно.

Она вцепилась пальцами в край стола, заставляя себя не закричать, и в ту же секунду перед глазами вспыхнуло что-то невозможное: мокрый асфальт, тёмное небо, мужские пальцы, удерживающие её запястье, запах дождя и чей-то голос, который говорил совсем не тем холодным тоном, каким сейчас говорил Он.

«Не бойся».

Она резко вдохнула и видение исчезло.

– Готово, – сказал техник.

Эва подняла глаза - инквизитор смотрел на неё.

И на этот раз она была уверена: он тоже что-то увидел.

– Что? – спросила она.

– Ничего.

Он отвернулся.

– Твоё тело теперь не твоё, Эва. Лучше смирись с этим как можно быстрее, и дальше будет легче..

И ушёл.

Она ещё долго смотрела ему вслед, не понимая, почему именно последняя фраза вызвала внутри не страх, а странную, почти болезненную уверенность в том, что когда-то этот человек говорил ей совсем другие слова.

Она подошла к зеркалу и впервые внимательно посмотрела на себя после процедуры. На шее уже почти не было видно следа от импланта, но теперь под кожей существовало ещё одно устройство, маленькое, незаметное, предназначенное для того, чтобы измерять её страх. Эва провела пальцами по коже и вдруг подумала, что система боится не её тела, а того, что может происходить внутри него, когда никто не смотрит.

После осмотра Эва ещё долго не могла заставить себя встать с металлического стола. Техники уже ушли, охранники тоже, а Кейден исчез за дверью так же бесшумно, как появился, оставив после себя только запах холодного металла и слабый, почти незаметный след мяты. Она не понимала, почему именно этот запах вызывает в ней такую реакцию, почему от него становится одновременно спокойнее и страшнее, будто где-то глубоко внутри уже существует воспоминание, которое пока не решается подняться на поверхность.

Глава 4.

После перевода в личное крыло Эва довольно быстро поняла, что здесь ей страшнее, чем в общей зоне, хотя на первый взгляд всё вокруг выглядело настолько спокойно и чисто, что любой человек, не знающий правил Синдиката, мог бы принять это место за современное медицинское учреждение с безупречным порядком и строгими, но вполне объяснимыми правилами.

В общей зоне страх хотя бы имел форму: он жил в тяжёлых шагах за дверью, в резком окрике охранника, в скрежете замка, в коротких приказах и в лицах людей, которые старались не смотреть друг на друга дольше нескольких секунд. Здесь же всё было настолько тихо, что от этой тишины становилось только хуже. Белые стены не имели ни единого пятна, пол блестел под холодным светом потолочных панелей, а двери открывались бесшумно и закрывались мягким механическим щелчком, однако именно эта стерильная безупречность заставляла Эву чувствовать себя не в безопасности, а внутри огромного механизма, каждая деталь которого работала независимо от человеческой воли.

Никто здесь не кричал на неё, потому что крик был не нужен, никто не угрожал ей напрямую, потому что угрозу заменяли правила, а охрана появлялась настолько незаметно, что Эва иногда замечала её только в отражении стеклянной панели, когда уже начинала думать, что находится одна. Она очень быстро поняла, что здесь ей даже не нужно напоминать о наблюдении, поскольку сама система делала это за неё.

Красный огонёк камеры над дверью никогда не гас, и сначала Эва старалась не смотреть на него, однако через несколько дней заметила, что начала различать интервалы между его вспышками, после чего поймала себя на том, что считает секунды, хотя прекрасно понимала, насколько бессмысленным было это занятие. Тем не менее именно эта бессмысленность почему-то успокаивала, потому что, пока она могла замечать закономерности и складывать их в последовательность, ей казалось, что происходящее вокруг ещё можно понять, а значит, не всё в её жизни окончательно перешло под контроль чужой системы.

Постепенно она запомнила, сколько времени проходит между нажатием кнопки вызова и появлением сотрудника, потому что однажды специально засекла этот промежуток, а затем несколько раз проверила себя, чтобы убедиться, что результат не был случайностью. Она заметила, что замок на двери издаёт едва слышный звук примерно за секунду до того, как дверь открывается, а шаги охранника отличаются от шагов медицинского персонала, поскольку первые звучат тяжело и размеренно, тогда как вторые обычно торопливы и почти бесшумны.

Со временем Эва научилась различать даже короткие импульсы в шейном импланте, которые появлялись не только тогда, когда она нарушала какое-либо правило, но и в те моменты, когда её пульс резко повышался, и именно тогда она впервые поняла, насколько опасным стало для неё собственное тело. Раньше человек мог испугаться и просто почувствовать страх, после чего пережить его и забыть, однако теперь любое сильное чувство превращалось в потенциальное нарушение, потому что за страхом следовал скачок пульса, за скачком пульса – реакция импланта, а за реакцией импланта – запись в системе.

Если ей хотелось плакать, она сначала вспоминала о камере, а если хотелось закричать, то почти одновременно вспоминала об импланте, потому что организм уже начал опережать сознание и сам подсказывал, что любое проявление слабости будет замечено. Иногда Эва ловила себя на том, что ещё до того, как успевает почувствовать эмоцию до конца, уже пытается определить, насколько сильно она отразится на показателях, и от этого становилось особенно страшно, потому что система постепенно заставляла её следить за собой вместо них.

И всё же где-то глубоко внутри она продолжала сопротивляться, хотя сама не понимала, откуда в ней осталось это упрямство, если вместе с памятью у неё отняли имя, прошлое и почти

всё, что должно было составлять представление человека о самом себе. Память исчезла, но тело, кажется, сохранило какую-то последнюю, упрямую часть правды, которую нельзя было так просто стереть вместе с воспоминаниями.

Эва не знала, кем была раньше, но она точно знала, что не хочет становиться тем, кем её здесь считали, и именно это знание почему-то казалось ей сейчас важнее всего остального.

Однажды Лианна заметила, как Эва снова смотрит на камеру, и после долгого молчания сказала:

– Не трать силы на то, чтобы каждый раз думать о том, кто смотрит. Они всё равно смотрят, и если ты позволишь этому постоянно занимать голову, то очень скоро начнёшь жить не своей жизнью, а их взглядом.

Эва повернула к ней голову и некоторое время молчала, пытаясь понять, что именно Лианна предлагает ей делать, если наблюдение было единственным, что оставалось неизменным в этом месте.

– А что тогда делать? Если я знаю, что за мной следят, как я могу просто перестать об этом думать?

Лианна перебрала пальцами край своей формы, после чего тихо ответила:

– Оставлять внутри себя место, куда они пока не добрались.

Эва не сразу поняла, что она имела в виду, потому что никакого особого места внутри себя она не чувствовала, однако эти слова почему-то остались в памяти, хотя память вообще-то была именно тем, чего у неё почти не осталось.

Теперь, сидя одна в своей комнате, она часто возвращалась к этому разговору и пыталась понять, что именно можно сохранить внутри себя, если тебе уже отняли даже право на собственное имя. Иногда таким местом становилось воспоминание о вкусе, которого она не могла назвать, иногда – ощущение дождя на коже, иногда – странный цвет, который внезапно возникал перед глазами, а иногда – движение руки, которое казалось настолько привычным, будто она выполняла его тысячи раз, хотя не могла вспомнить ни одного из этих разов.

Однажды ей приснился дождь, и во сне он был совсем не похож на тот холодный искусственный дождь, который иногда включали над улицами города для очистки воздуха, потому что вода казалась тёплой, тяжёлой и настоящей, а за мокрым стеклом горел мягкий жёлтый свет, какого Эва не видела здесь уже очень давно. Рядом лежала чья-то мужская рука, и от неё исходило тепло, которое почему-то казалось настолько знакомым, что во сне Эва не испытывала ни тревоги, ни желания отстраниться.

Она не видела лица этого человека и не слышала его слов, однако чувствовала себя рядом с ним в безопасности, и именно это ощущение оказалось самым страшным после пробуждения, потому что оно принадлежало жизни, о которой она ничего не помнила.

Эва ещё несколько секунд лежала неподвижно, не открывая глаз, потому что ей казалось, будто если она сделает это слишком быстро, то окончательно потеряет остатки сна, который впервые за долгое время подарил ей не страх, а ощущение дома. Однако белый потолок никуда не исчез, когда она наконец открыла глаза, холодный свет остался таким же безжалостным, а красный огонёк камеры всё так же мерцал над дверью.

Она медленно села на койке и провела ладонью по лицу, пытаясь удержать хотя бы одно ощущение, которое осталось после сна.

– Вспомни, ну же, – тихо сказала она самой себе, хотя прекрасно понимала, что не знает, что именно должна вспомнить.

Ничего не произошло, если не считать короткого импульса в шее, который заставил её на несколько секунд замереть.

– Хорошо, – прошептала Эва, чувствуя, как внутри поднимается злость, – тогда хотя бы не забудь, что хотела вспомнить.

Это было всё, что она могла сделать, и поэтому она сделала именно это.

На следующий день её разбудил не сигнал подъёма, а запах антисептика, который оказался настолько сильным, что Эва открыла глаза ещё до того, как успела окончательно проснуться. Несколько секунд она лежала неподвижно, прислушиваясь к равномерному гулу вентиляции и пытаясь понять, почему именно сегодня медицинский блок пахнет иначе, хотя никаких изменений в расписании она не помнила.

Она посмотрела на дверь, над которой привычно мигал красный огонёк камеры, и почувствовала неприятное напряжение ещё до того, как кто-либо вошёл. Эва перевернулась на спину и закрыла глаза, однако вместо сна перед ней снова возникло то же воспоминание, которое уже начинало пугать её своей настойчивостью: дождь стекал по стеклу, за ним горел жёлтый свет, а рядом с её ладонью лежала мужская рука, от которой исходило тепло.

На этот раз ей показалось, что она почти слышит голос, но слова распались раньше, чем успели обрести смысл, и Эва резко открыла глаза именно в тот момент, когда дверь начала бесшумно сдвигаться в сторону.

В комнату вошли двое техников, один из которых держал планшет, тогда как второй катил за собой небольшой металлический столик с оборудованием, и уже одного взгляда на него Эве хватило, чтобы понять: сегодняшний день не закончится спокойно.

– На стол, – сказал первый техник.

Эва посмотрела на него и не двинулась.

– Что сегодня?

Мужчина сверился с планшетом, после чего совершенно будничным тоном сообщил:

– Установка дополнительного стресс-модуля.

Эва нахмурилась, потому что ей уже проводили подобную процедуру, и поэтому она спросила:

– Еще одного?! Зачем?

Техник объяснил, что первый датчик контролирует общие физиологические показатели, тогда как второй будет реагировать на резкие эмоциональные отклонения, после чего Эва несколько секунд молчала, пытаясь осмыслить услышанное.

– Эмоциональные отклонения?

– Да.

– То есть вы хотите контролировать даже то, что я чувствую?

Мужчина пожал плечами, словно не видел в этом ничего необычного.

– Нам необходимо знать, когда ты испытываешь стресс.

Эва посмотрела на него с недоверием, потому что ей всё ещё казалось невозможным, что подобное можно произносить вслух настолько спокойно.

– О, постоянно. А если я буду счастлива?

Техник впервые посмотрел на неё внимательнее, однако его лицо почти сразу снова стало безразличным.

– Это тоже отклонение.

Эва усмехнулась, хотя внутри у неё всё сжалось.

– Тогда вы действительно боитесь людей.

Техник ничего не ответил, потому что уже отметил что-то в планшете, после чего повторил:

– На стол.

Эва ещё несколько секунд смотрела на него, но спорить дальше не стала, поскольку прекрасно понимала, чем заканчиваются подобные споры.

Она подошла к металлическому столу и легла, чувствуя холод поверхности даже через ткань одежды, а затем уставилась в потолок, стараясь не думать о том, что сейчас произойдёт.

Дверь снова открылась, и когда Эва повернула голову, она увидела Кейдена.

Он вошёл без спешки, остановился рядом с оборудованием и посмотрел сначала на техников, а потом на неё, причём его лицо оставалось настолько спокойным, что Эве снова стало трудно понять, что именно он думает.

– Начинайте.

Один из техников проверил показатели и после короткой паузы спросил:

– Без анестезии?

– Она снижает точность нейросигнала.

Эва почувствовала, как внутри снова поднимается злость, потому что для него это звучало так, словно речь шла о настройке прибора, а не о вмешательстве в человеческое тело.

Она повернула голову к нему.

– А если я откажусь?

Кейден посмотрел ей в глаза.

– Ты уже знаешь ответ.

– Тогда зачем спрашивать?

– Я не спрашивал.

Эва сжала губы, потому что этот спокойный ответ раздражал её сильнее любой угрозы, ведь грубость хотя бы признавала сопротивление, тогда как Кейден разговаривал так, будто сопротивление вообще не входило в перечень возможных вариантов.

Когда металл коснулся кожи, боль пришла резко, и хотя она была короткой, Эва почувствовала её настолько глубоко, что пальцы сами собой сжались, а перед глазами почти сразу вспыхнуло что-то, чего она не ожидала увидеть.

Сначала появилась кухня, затем кружка с тёмной жидкостью, после чего возник запах мяты и чей-то мужской смех, который звучал совсем рядом, однако голос, сопровождавший этот смех, рассыпался раньше, чем Эва успела разобрать хоть одно слово.

Она попыталась удержать картину, но воспоминание начало исчезать, и тогда с её губ сорвалось:

– Мята.

Кейден замер, и хотя это длилось всего мгновение, Эва заметила.

Она повернула голову.

- Что?

- Ничего.

- Ты знаешь этот запах?

Кейден посмотрел на неё, после чего спокойно ответил:

- Мятный чай.

- Я его люблю. А ты?

- Хватит задавать тупые вопросы, дефектная.

Эва нахмурилась и отвернулась.

Он несколько секунд молчал, прежде чем тихо произнести:

- Это не имеет значения.

Эва хотела продолжить, однако новый импульс заставил её резко вдохнуть и выгнуться, поэтому она стиснула зубы, стараясь не издать звука.

- Дыши спокойно. Твои показатели сбиваются, - сказал Кейден.

Она посмотрела на него сквозь выступившие слёзы, потому что сама не понимала, почему именно его голос сейчас так раздражает.

- Ты специально говоришь со мной так, будто уже знаешь, как я реагирую.

- Нет.

- Тогда откуда ты знаешь?

Кейден ответил после короткой паузы:

- Я наблюдаю, можешь себе представить?

Эва усмехнулась, хотя губы дрожали.

- Слишком внимательно.

Он ничего не сказал, и Эва отвернулась, потому что не хотела больше видеть его лицо.

Процедура продолжалась, а время постепенно потеряло форму, поскольку для неё остались только холод металла под спиной, запах антисептика, редкие звуки оборудования и собственное дыхание, которое приходилось контролировать так, будто даже оно больше ей не принадлежало.

Она старалась думать о дожде, о жёлтом свете, о кухне, которой не помнила, и о мятном чае, но чем сильнее пыталась удержать воспоминание, тем быстрее оно исчезало, словно кто-то стирал его прямо у неё перед глазами.

Когда процедура наконец закончилась, Эва ещё несколько секунд лежала неподвижно, потому что мышцы всё ещё дрожали, а сознание никак не хотело возвращаться в реальность. Техник сказал, что всё закончено, и тогда она медленно села, чувствуя, как дрожат руки, после чего быстро оделась, стараясь делать это как можно скорее, словно скорость могла вернуть ей хотя бы иллюзию контроля над собственным телом.

Когда Эва спустилась со стола, колени на секунду подогнулись, но она удержалась и сразу выпрямилась, потому что не собиралась показывать им, насколько сильно её трясёт.

Кейден всё ещё смотрел на неё.

- Что?

- Ничего.

- Тогда перестань смотреть.

- Хочешь поиграть в большого начальника и по командовать, 749?

Он отвернулся, и Эва снова почувствовала знакомое раздражение, которое было связано не только с ним, но и с тем, что её тело продолжало реагировать на его присутствие раньше, чем разум успевал принять решение.

Она замечала его шаги, слышала, когда он останавливался за спиной, и чувствовала приближение ещё до того, как видела его, поэтому каждый раз заставляла себя напоминать: это не доверие и не близость, а обычная реакция организма на человека, который имеет власть причинить ей боль.

После установки модуля её одну отвели в соседний медицинский кабинет, где было ещё холоднее, чем в предыдущей комнате, и Эва сразу заметила кресло, стоявшее посреди помещения под направленным сверху светом.

Она остановилась ещё у двери, потому что даже без объяснений поняла, для чего оно предназначено, и внутри мгновенно поднялось сопротивление, которое она не смогла подавить ни разумом, ни привычной осторожностью.

Врач, сидевшая возле медицинского терминала, подняла на неё взгляд. Снова новый человек. Сколько же их тут…

- Раздевайся.

Эва не двинулась.

- Зачем?

- Репродуктивная оценка.

- Но обследование уже проводили!

- Это другая процедура, семь-четыре-девять.

Эва почувствовала, как внутри всё холодеет.

- Я отказываюсь.

Врач спокойно перелистнула данные на экране, после чего ответила:

- К счастью, твоё согласие не требуется. Раздевайся, ложись и раздвигай ноги

- Твою ж мать…

Глава 5.

Ева медленно поднялась на металлическую ступеньку и устроилась на кресле. Оно оказалось холодным даже через тонкую ткань медицинской простыни.

Врач придвинула лампу, надела перчатки и открыла следующий экран на терминале.

– Расслабься.

– Легко сказать.

Ответа не последовало.

Осмотр начался с обычных медицинских показателей. Врач проверила пульс, давление, температуру, затем внимательно осмотрела живот и отметила что-то в электронной карте. После этого попросила Еву изменить положение.

Ева стиснула пальцы на краю кресла.

Врач действовала быстро, уверенно и совершенно бесстрастно. Никаких лишних слов – только короткие указания, звуки работающего оборудования и сухие комментарии, которые тут же превращались в строки на экране.

– Боль?

– Нет.

– Дискомфорт?

Ева промолчала несколько секунд.

– Да.

– Зафиксировала.

Медицинский инструмент появился в руках врача лишь на несколько секунд. Ева отвернулась к стене, стараясь не смотреть, что именно происходит. Всё было настолько будничным для женщины напротив, что от этого становилось только хуже.

Ей хотелось кричать, но она знала, что крик ничего не изменит, хотелось ударить кого-нибудь, но она знала, что имплант накажет её раньше, чем она успеет сделать второй шаг, и поэтому Эва заставила себя сосредоточиться на мелочах, которые ещё могла контролировать.

Она смотрела на потолок, на белую панель с маленькой царапиной возле вентиляционной решётки, на три тёмные точки около крепления светильника и на равномерное мигание индикатора, потому что пока она считала эти детали, ей удавалось не думать о собственном теле. Врач говорила о показателях, вероятности успешного вынашивания и допустимых нагрузках совершенно спокойно, словно речь шла о техническом оборудовании, которое необходимо проверить перед запуском, и от этой будничности Эве становилось ещё хуже. От того, что голова идет кругом Эва не до конца понимала, что врач бормочет , скорее всего, самой себе. Наверное, чтобы не забыть результат осмотра и внести его в её карту.

Никто не кричал.

Никто не угрожал.

Никто даже не проявлял особого интереса к её страху.

Именно это было самым страшным.

Для них всё происходящее являлось обычной процедурой, которая должна была завершиться записью в электронной карте, тогда как для Эвы это было очередным доказательством того, что её тело больше не считалось её собственностью. Она почувствовала, как глаза наполняются слезами, но заставила себя не закрывать их, потому что не хотела отдавать им даже эту маленькую победу.

- Расслабься, - сказала врач.

Эва едва не рассмеялась.

Расслабиться было невозможно, когда чужие люди могли распоряжаться её телом только потому, что в электронной системе напротив номера 749 стояла отметка о пригодности.

- Я не могу.

- Можешь.

- Нет.

Врач тяжело вздохнула, подняла на нее свои, к изумлению Эвы, невероятно красивые карие-желтые глаза, после чего сказала:

- Чем сильнее ты напрягаешься, тем дольше это продлится.

Эва закрыла глаза.

Это не было согласием, это было всего лишь способом пережить ещё несколько минут. Она словно отошла от собственного тела на несколько шагов и стала наблюдать за происходящим со стороны, потому что так было легче не чувствовать себя полностью беспомощной. И именно тогда за дверью послышались шаги. Эва узнала их сразу. Не потому, что хотела запоминать этот звук, а потому, что за последние дни научилась различать людей по походке и тембру шагов, которые доносились из коридора.

Дверь открылась и вошел Кейден .

Эва резко повернула голову.

Он остановился у порога, увидел врача, медицинское оборудование, экран с её показателями и её саму, но выражение его лица практически не изменилось.

Эва почувствовала новый прилив злости.

- Почему вы здесь?

Он с раздражением посмотрел на неё как на мелкую, надоедливую букашку.

-Мне нужно твое разрешение? Я обязан присутствовать на всех обследованиях своей заключенной.

Она отвернулась, потому что не хотела, чтобы он видел её лицо.

Врач продолжала процедуру, а Кейден стоял возле терминала и смотрел на показатели, словно всё происходящее было для него обычной частью рабочего дня.

Через несколько минут врач сообщила, что почти закончила.

Эва молчала.

Когда процедура завершилась, она быстро оделась и, стараясь не показывать дрожь в руках, спустилась с кресла, однако дверь открылась почти сразу, и Кейден отступил на полшага, пропуская её.

Эва прошла мимо него, не поднимая глаз.

– 749.

Она остановилась.

– Что?

– Ты слишком сильно сжимаешь пальцы.

Эва посмотрела вниз и увидела, что костяшки действительно побелели.

– И что?

– Стресс-модуль зарегистрирует это как реакцию на процедуру.

Она медленно разжала пальцы.

– Значит, даже это теперь нельзя?

Кейден ничего не ответил.

Эва посмотрела на него, ожидая хоть какого-нибудь объяснения, но он лишь снова перевёл взгляд на терминал, и тогда она поняла, что ответа не будет.

Она прошла дальше.

После этого дня Эва стала гораздо осторожнее, потому что теперь знала: система отслеживает не только её действия, но и малейшие изменения внутри организма.

Её реакция на боль изменилась раньше, чем она сама успела это заметить, поскольку раньше она пыталась понять, откуда боль приходит и почему, а теперь первым делом думала о том, как пережить её так, чтобы датчик не заметил слишком сильного страха.

Она училась дышать медленнее, расслаблять плечи, не сжимать кулаки и смотреть в одну точку, когда хотелось отвернуться, потому что даже обычная человеческая реакция здесь могла превратиться в запись в её личном деле. Система заставляла её учиться не чувствовать, а Эва постепенно училась чувствовать так, чтобы система этого не замечала. Иногда ей казалось, что это единственная форма сопротивления, которая ей ещё доступна.

Она лежала на койке и смотрела в потолок, пока в голове снова и снова повторялись слова Лианны о месте, куда Синдикат ещё не добрался. Эва не знала, существует ли такое место. Но если оно существовало, она собиралась его сохранить. Даже если для этого придётся научиться прятать от системы собственные мысли.

Вечером Кейден пришёл снова, и на этот раз он был без техников.

Он положил на стол тонкую папку, после чего сказал:

– Твой распорядок.

Эва не сразу взяла её, потому что после всего, что произошло за последние часы, любое новое распоряжение казалось очередным способом лишить её ещё одного кусочка свободы.

– Зачем?

– Чтобы ты знала, что будет происходить.

Она посмотрела на него.

– Это должно меня успокоить?

– Нет.

Эва протянула руку и, осторожно, чтобы случайно не коснуться его руки обтянутой кожаной черной перчаткой, взяла и всё-таки открыла папку и начала читать, хотя уже по первым строкам поняла, что слово «распорядок» здесь означало не план дня, а подробную инструкцию по существованию.

Подъём в шесть.

Медицинская проверка.

Питание.

Перемещение.

Медицинская проверка.

Питание.

Считывание показателей стресс-факторов.

Сон.

Это основное. Но каждая минута была расписана, и от этого расписания становилось трудно дышать, потому что даже сон теперь выглядел не естественной потребностью, а пунктом, который система разрешала ей выполнить в определённое время.

Эва подняла глаза.

– Здесь нет прогулки.

– Тебе не положено выходить самостоятельно. У тебя будут перемещения.

– Тогда зачем это называется прогулкой?

– Потому что ты перемещаешься из одной комнаты в другую.

Эва, сдерживая дергающийся нервно глаз, несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять, издевается ли он или действительно считает такой ответ нормальным.

– У тебя всегда такие ответы?

– Когда вопрос задан неправильно.

– А если я задам правильный? Можешь ответить хоть на один вопрос?

Эва уже забыла, когда стала обращаться к нему на "ты". А было ли у него вообще имя? Или есть?

– Тогда получишь неприятный ответ. Хватит уже устраивать мне допрос будто мы старые друзья, 749. Не забывай о своем "дефектном" положении и для чего ты тут. Ты всего лишь вещь для использования.

Она закрыла папку и некоторое время молчала поджав губы от обиды, но после чего всё-таки спросила:

– Кто ты для Синдиката?

Кейден ответил почти сразу:

– Инструмент. Как и ты.

Эва ожидала чего угодно, но не этого. Она в шоке смотрела на него своими распахнутыми глазами, не веря своим ушам.

– Неожиданно...

На этом их странный диалог закончился.

Он молчал, смотря в стену не мигающим взглядом.

Она внимательно посмотрела на него, и только теперь заметила тёмные следы усталости под его глазами и тонкий шрам на правой руке, который уходил под рукав. Эва не знала, откуда он взялся, но почему-то запомнила его.

– Ты давно здесь?

– Достаточно вопросов, 749.

– Сколько? Ответь! Год? Пять? Семь?

Он посмотрел на неё.

– Я тебя предупредил!

Эва не успела ответить, как он коснулся панели.

Имплант сработал раньше, чем она поняла, что происходит. Боль обожгла шею и разом сжала мышцы так, что из груди вырвался короткий хрип. Она согнулась, упершись ладонью в край стола, а перед глазами на несколько секунд поплыл белый свет.

Кейден продолжал смотреть на неё.

– Ну, чего молчишь? Вопросы закончились?

Эва подняла голову, тяжело дыша, и встретилась с ним взглядом. Глаза щипало от накативших слез, не было сил их сдерживать.

– Ненавижу тебя.

Он чуть склонил голову.

– Это тоже лучше оставить при себе.

Когда Кейден ушёл, Эва ещё некоторое время смотрела на закрытую дверь сидя на этом же стуле. Она сразу заметила, что на столе осталась книга.

Настоящая бумажная книга выглядела здесь почти неправильно, потому что вокруг не было ничего старого или живого, тогда как её потёртая обложка хранила следы времени, которое не подчинялось электронным системам.

Эва подошла к столу и провела пальцами по обложке. Будто боялась, что она рассыпется или исчезнет как мираж. Все смотрела, и смотрела. Потом все-таки открыла книгу. На первой странице не было имени - только маленькая отметка карандашом. Три короткие линии. Она провела по ним пальцем и почувствовала такое сильное головокружение, что ей пришлось схватиться за край стола.

Перед глазами вспыхнуло изображение руки. Чьей-то руки.

На коже была такая же отметка.

Три линии.

А затем появился голос, который она не смогла узнать:

– Если забудешь, ищи меня там, где заканчивается свет.

Эва резко закрыла книгу.

Сердце билось слишком быстро, а в шее уже начинал нарастать знакомый жар, поэтому она заставила себя сделать несколько медленных вдохов, пока показатели не вернулись в допустимый диапазон.

Она посмотрела на дверь. Никого.

Затем на камеру. Красный огонёк продолжал мигать.

Потом снова посмотрела на книгу.Три линии всё ещё были там.

Обычные карандашные штрихи, которые не могли объяснить ничего, но почему-то казались важнее любых слов, которые она слышала от сотрудников Синдиката.

Между страницами остался слабый запах мяты.

Она замерла. Запах был едва заметным, однако знакомым настолько, что внутри всё болезненно сжалось, и почти сразу перед глазами возникла новая картина: чашка на подоконнике, дождь за окном, две руки, обхватывающие её, и мужчина, который что-то говорил о мятном чае. Она не видела его лица. Не слышала всех слов.

Но знала, что этот человек когда-то был частью её жизни.

Откуда она это знала, Эва не могла объяснить.

Картина исчезла так же быстро, как появилась, и она осталась сидеть с раскрытой книгой в руках, пытаясь восстановить хотя бы один звук из того далёкого разговора. Ничего.

Только запах мяты.

Только дождь.

Только ощущение чужого тепла, которое никак не должно было существовать в её памяти.

Позже она снова попыталась читать, однако буквы постоянно расплывались перед глазами, а вместо текста возникали обрывки воспоминаний, которые не складывались в единую картину.

Дождь.

Жёлтый свет.

Мокрое стекло.

Чья-то рука.

Мятный чай.

Мужской голос.

Эва провела ладонью по лицу и заставила себя открыть глаза, после чего снова увидела белую комнату, медицинский терминал, книгу и красный огонёк камеры. Она медленно закрыла книгу и прижала ладонь к её обложке, пытаясь понять, почему простая бумажная вещь вызывает у неё ощущение, будто кто-то оставил внутри неё сообщение, которое она пока не умеет прочитать.

И тогда она услышала шаги.

На этот раз они остановились прямо возле двери.

Эва замерла и прислушалась.

Замок щёлкнул.

Она невольно напряглась, ожидая, что дверь откроется, но она не открылась.

Вместо этого на панели управления загорелся экран.

Эва поднялась с койки и подошла ближе, а когда прочитала появившуюся надпись, несколько секунд просто стояла неподвижно, потому что смысл слов доходил до неё медленнее, чем должен был.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ НАБЛЮДЕНИЯ АКТИВИРОВАН.

Ниже появились новые пункты расписания:

06:00 – медицинская оценка.

06:30 – подтверждение пригодности к программе «Эхо».

07:00 – подготовительный этап.

Эва перечитала последнюю строку ещё раз, потому что именно она заставила её почувствовать холод в груди.

Она не знала, что означает «подготовительный этап».

Не знала, почему его не было в предыдущем расписании.

Не знала, почему теперь медицинские процедуры проводились чаще и почему за ней установили отдельный протокол наблюдения.

Но она уже слишком хорошо знала Синдикат, чтобы верить, будто всё это происходит случайно.

Эва медленно перевела взгляд на книгу, лежавшую на столе, и на три карандашные линии, которые почему-то казались сейчас единственным доказательством того, что где-то существовала другая жизнь, где её тело, её память и её имя принадлежали только ей.

Потом она посмотрела на закрытую дверь, над которой снова мигнул красный огонёк камеры, и впервые за всё время почувствовала страх не перед болью, а перед неизвестностью.

До семи утра оставалось меньше восьми часов, и Эва ещё не знала, что именно Синдикат собирается сделать с ней дальше, однако впервые у неё появилось ощущение, что завтра утром у неё могут отнять не просто ещё одну часть свободы.

Возможно, завтра они собирались решить, что именно она должна делать со своим собственным телом**.**

Глава 6.

Утро в личном крыле Кейдена начиналось не с рассвета. Здесь вообще не существовало рассветов в привычном смысле: за толстыми стенами комплекса могло подниматься солнце, идти кислотный дождь или лежать над городом густая пыльная буря, но внутри Синдиката это не имело никакого значения. В шесть часов потолочные панели становились чуть светлее, вентиляция меняла режим работы, а на узком экране возле двери появлялась сухая надпись: **НАЧАЛО ЦИКЛА**.

Эва проснулась за несколько минут до сигнала и некоторое время лежала неподвижно, пытаясь понять, что именно её разбудило. В комнате было тепло, хотя ночью она точно помнила холод, и только потом заметила на стене маленький индикатор климатической системы: температура действительно была выше, чем вечером. Значит, система сама изменила её, когда зафиксировала учащённый пульс. Даже это – температура воздуха, тепло одеяла, продолжительность сна – здесь не принадлежало ей.

Она повернула голову к столику и увидела завтрак. Серый контейнер, стакан воды и металлическая кружка с тёмной жидкостью, которую ей выдавали как кофе. В контейнере лежал кусок белкового хлеба, густая каша, несколько ломтиков синтетического мяса и бледные кубики неизвестного происхождения. Всё было разложено аккуратно, одинаковыми порциями, словно человек, который это составлял, не имел никакого отношения к тем, кто потом должен был это съесть.

Эва села на кровати, провела ладонью по волосам и только тогда заметила своё отражение в тёмном экране терминала. Волосы, тёмно-каштановые с тёплым медовым оттенком, спутались после сна и рассыпались по плечам; несколько прядей прилипли к щеке. Она собрала их рукой, пытаясь привести себя в порядок, и снова испытала странное чувство, которое возникало всякий раз, когда она смотрела на собственное лицо слишком долго: женщина в отражении была ей знакома, но не принадлежала её памяти.

Зелёные глаза с золотистым оттенком вокруг зрачка, тонкое лицо, слишком бледная кожа, тёмная линия бровей. Двадцать шесть лет – именно столько значилось в её медицинской карте, и она была вынуждена верить этой цифре, потому что больше верить было нечему.

Она опустила взгляд на руки. Длинные пальцы, короткие ногти, сухая кожа, несколько почти незаметных следов старых порезов и маленький белый шрам возле большого пальца. Ева не помнила, откуда он взялся. Она вообще ничего не помнила о том, что происходило с ней до пробуждения в белой комнате, и чем дольше находилась в Синдикате, тем страшнее становилось осознавать, что даже собственное тело может оказаться единственным свидетелем жизни, которой она больше не помнит.

Она заставила себя съесть несколько ложек каши.

Вкус был настолько безликим, что его невозможно было описать, и всё же организм принимал пищу с той покорностью, которая раздражала её сильнее любого приказа.

Эва поморщилась и поставила ложку обратно.

– Неплохо, – пробормотала она сама себе. – Значит, ещё умею различать отвратительное.

Её взгляд снова упал на книгу, которую кто-то из персонала оставил после вчерашнего осмотра. **«Сад после зимы»** – так назывался старый роман, напечатанный ещё до введения Единого порядка. На обложке, почти стёртой от времени, был изображён заброшенный сад, пробивающийся сквозь снег, а сама история рассказывала о женщине, которая после долгих лет жизни в закрытом городе возвращалась в дом своего детства и пыталась восстановить сад, хотя знала, что прежним он уже никогда не станет. В книге почти не было действия в привычном смысле – только её воспоминания, разговоры с людьми, которых она когда-то любила, и медленное возвращение к жизни среди вещей, которые казались навсегда потерянными. Стран-

ным было то, что именно эту книгу кто-то принёс сюда, в место, где воспоминания стирали намеренно, а людей заставляли забывать, кем они были. Эва провела пальцами по потёртой обложке и вдруг поймала себя на мысли, что хочет узнать, чем всё закончится.

Замок на двери щёлкнул.

Эва подняла голову.

Кейден вошёл без сопровождения.

Теперь, когда она уже видела его несколько раз, первое впечатление не исчезло, а, наоборот, становилось тяжелее. Он был очень высоким, широкоплечим, с длинными руками и той особенной прямой осанкой, которая не выглядела результатом тренировки – скорее, человек просто привык занимать столько пространства, сколько ему необходимо. Чёрная форма подчёркивала его фигуру, но оставалась совершенно лишённой каких-либо украшений: высокий воротник, плотная ткань, ремни с металлическими креплениями, тёмная пластина идентификатора на рукаве.

Его волосы были почти белыми. Не седыми в обычном смысле, а настолько светлыми, что под холодным освещением приобретали серебристый оттенок. Сверху они были чуть длиннее, чем по бокам, и одна прядь постоянно падала к виску. На лице не было ничего мягкого: резкие скулы, прямой нос, тонкая линия рта, светлая кожа и заметные тени под глазами, выдававшие усталость, которую он, судя по всему, не считал нужным скрывать.

Но больше всего Эву пугали его глаза.

Светло-серые, почти бесцветные, они смотрели на человека не так, будто хотели его понять, а так, будто оценивали его пригодность для чего-то.

Кейден остановился возле стола и посмотрел на её нетронутый кусок хлеба.

– Ты почти не ешь.

– Потому что это трудно назвать едой.

– Это питание, рассчитанное на поддержание твоих показателей.

– Каких именно? Тех, которые нужны мне, или тех, которые нужны вам?

Он перевёл взгляд на неё.

– Разницы здесь нет.

Эва усмехнулась, хотя весёлого в ответе ничего не было.

– Для вас, возможно.

– Для системы, Эва.

– Ты всегда прячешься за этим словом?

В его лице ничего не изменилось.

– Я не прячусь ни за чем. Я сообщаю тебе порядок вещей.

– Тогда сообщи честно, зачем ты пришёл.

Кейден некоторое время смотрел на неё, после чего спокойно ответил:

– Сегодня ты будешь присутствовать при моей работе.

Эва отложила ложку.

– Зачем?

– Потому что тебе необходимо понимать, где ты находишься и каким образом устроено место, в котором теперь проходит твоя жизнь.

– А если я не хочу понимать?

– Тогда ты всё равно увидишь.

Она хотела возразить, но по его лицу поняла, что разговор действительно окончен. Не потому, что он не способен ответить, а потому, что для него её мнение не являлось обстоятельством, которое необходимо учитывать.

– У тебя десять минут, – добавил он. – Закончи завтрак.

– И если я не закончу?

– Тогда утром следующего дня получишь такой же контейнер.

Эва посмотрела ему вслед, когда он направился к двери.

– Знаешь, иногда мне кажется, что ты специально делаешь всё настолько отвратительным, чтобы люди перестали сопротивляться.

Кейден остановился, но не обернулся.

– Иногда людям не нужно помогать сопротивляться. Они делают это самостоятельно.

После этих слов он вышел, оставив её одну.

Через десять минут за Эвой пришли двое охранников.

На ней была стандартная одежда программы «Эхо»: серые брюки, светлая рубашка без пуговиц и тонкая куртка, застёгивающаяся сбоку. В этой одежде не было ни карманов, ни шнурков, ни металлических деталей, которые можно было бы использовать в качестве оружия или спрятать в них что-либо. Даже одежда была частью системы контроля.

– Семь-четыре-девять, следуй.

Эва посмотрела на мужчину.

– Мне хотелось бы хотя бы однажды услышать нормальное объяснение того, куда меня ведут.

– ТНе положено,– коротко ответил охранник.

– Конечно. Как же я могла забыть.

Охранник не ответил, и вскоре они вышли в центральный коридор.

Казни проходили быстро.

Именно это потрясло Эву сильнее всего.

Она ожидала увидеть торжественную жестокость, демонстративную церемонию, толпу наблюдателей или хотя бы какое-то подобие суда. Вместо этого перед ней оказалось небольшое серое помещение с тремя металлическими креслами и большим прозрачным окном.

Три человека.

Три номера.

Три решения, которые уже были приняты до того, как их сюда привели.

Кейден стоял перед терминалом и просматривал протоколы. Его лицо оставалось таким же спокойным, как утром, будто между завтраком и казнью не существовало никакой нравственной границы. Эва подошла к стеклу.

– Что они сделали?

– Передали информацию внешней группе.

– Какую информацию?

Кейден даже не посмотрел на неё.

– Достаточную для вынесения приговора.

– То есть ты даже не считаешь нужным объяснить?

– Тебе – нет.

Один из заключённых поднял голову.

Он был старше остальных, с седыми волосами и тяжёлым, опухшим лицом. Когда его взгляд остановился на Кейдене, в нём не было покорности.

– Вы прекрасно знаете, что я ничего не передавал.

Кейден посмотрел на него.

– Последнее предупреждение.

– А если я скажу, что вас тоже используют?

Охранник дёрнулся, но Кейден остановил его одним движением руки.

Заключённый продолжил, уже громче:

– Ты думаешь, форма делает тебя свободным? Ты такой же заключённый, как и мы! Только тебе разрешили держать оружие.

Эва невольно посмотрела на Кейдена.

Он стоял неподвижно.

– Свобода начинается не тогда, когда открывается дверь, – продолжил мужчина. – Она начинается в тот момент, когда человек перестаёт верить тому, что ему говорят.

Кейден нажал кнопку.

Выстрел прозвучал почти бесшумно.

Эва вздрогнула, а через секунду второй человек тоже рухнул в кресле.

Третий что-то сказал, но система уже отключила звук.

Эва почувствовала, как по шее прошёл знакомый импульс боли.

Она стиснула зубы и медленно выдохнула.

– Не сопротивляйся реакции, – произнёс Кейден.

Она повернула к нему голову.

– Ты только что убил троих людей и теперь советуешь мне контролировать реакцию?

– Я советую тебе не позволять импланту наказывать тебя за то, что ты испытываешь.

– Какая разница, если именно ты являешься причиной того, что я это испытываю?

На этот раз он не ответил сразу.

Эва заметила его руку.

Пальцы едва заметно дрожали.

Совсем немного.

Кейден сжал кулак, и дрожь исчезла. Она запомнила это. Не потому, что пожалела его. Она просто уже начинала понимать: в этом месте даже самая маленькая деталь могла оказаться важнее любой официальной информации.

Позже она увидела его возле санитарного блока.

Кейден стоял у стены, отвернувшись от коридора, и несколько секунд просто дышал. Затем снял перчатку, провёл ладонью по лицу и резко наклонился над раковиной.

Эва остановилась.

Он кашлянул, включил воду и долго держал руки под холодной струёй.

Когда Кейден поднял голову, их взгляды встретились в зеркале и на его лице мгновенно появилась привычная маска.

– Иди дальше.

Эва не двинулась.

– Тебе плохо?

– Тебя это не касается.

– Тогда почему ты выглядишь так, будто тебя сейчас вырвет?

Его взгляд стал жёстче.

– Потому что я сказал тебе идти дальше!

Она подчинилась.

И всё же впервые за всё время рядом с ним у неё возникла странная мысль: возможно, человек, который каждый день выполняет эти приказы, не обязательно перестаёт быть человеком. Она тут же заставила себя отбросить её.

Сочувствовать Кейдену было опасно.

В тот же день ей показали комнату допросов.

Нейроинтерфейс выглядел почти безобидно: металлическая дуга, тонкие контакты и несколько кабелей, уходящих в терминал. Однако стоило устройству включиться, как на экране появились не изображения с камеры, а чужие воспоминания.

Кухня.

Женщина в синем платье.

Ребёнок за столом.

Маленькая ладонь, прячущая кусочек сахара.

Эва сама не заметила, как задержала дыхание.

Кейден задавал вопросы, а система извлекала ответы непосредственно из памяти пленника.

Когда на экране возник подвал и окровавленные руки, Эва отвернулась.

– Хватит.

Никто не отреагировал.

Она зажмурилась изо всех сил, не в силах смотреть на то, что происходило дальше, и крикнула :

– Пожалуйста, хватит.

Кейден внезапно посмотрел прямо в сторону камеры.

И отключил интерфейс.

Через несколько минут он вошёл в помещение.

– Тебе не обязательно было смотреть.

– А тебе не обязательно было продолжать! Ты -монстр!

– Это моя работа.

– Нет. Работа – это то, что человек выбирает выполнять. Здесь ты просто делаешь то, что от тебя требуют. Но так или иначе это бесчеловечно.

Он посмотрел на неё.

– Ты слишком мало знаешь об этом месте, чтобы делать выводы.

– Зато достаточно, чтобы понимать, что людям здесь не оставляют выбора.

– В этом ты права.

Ответ оказался настолько прямым, что Эва на секунду растерялась.

– Тогда почему ты продолжаешь?

Кейден выдержал её взгляд.

– Потому что некоторые вещи становятся ещё опаснее, если их выполняет человек, который не знает, что делает.

Она не успела спросить, что именно он имел в виду так как он уже отвернулся.

В середине дня всё изменилось.

После очередного перехода по коридору охранники неожиданно свернули не к камерам, а в другую часть комплекса.

Эва сразу насторожилась.

– Куда мы идём?

Никто не ответил.

– Я спрашиваю, куда меня ведут.

– В купальню.

Она остановилась.

– Зачем?

Охранник посмотрел на неё совершенно безразлично.

– Распоряжение.

– Чьё?

– Тебе достаточно знать, что оно поступило сверху.

В купальне было тепло и непривычно тихо. Здесь не чувствовался обычный запах антисептика, вместо него в воздухе стоял запах воды и какого-то нейтрального моющего средства. На полках лежали полотенца, одежда и средства гигиены, причём всё было новым и аккуратно упакованным. Это казалось сном в её суровой реальности, где из личных вещей была только длинная рубаха и огромные бесформенные штаны.

Эва огляделась.

– Я не просила об этом.

– Замолчи уже, женщина.Ты слишком болтливая, - брезгливо ответил охранник, быстро пробежавшись по ней взглядом.

Ей выдали чистую одежду, заставили принять душ и оставить прежний комплект в металлическом контейнере. На время водных процедур, к удивлению, её оставили одну. Но в этом помещении невзможно было бы что-то предпринять для нападения или защиты так как зеркала были вмонтированы в стену, стекла были пуленепробиваемые, ни шторок, ни дверец. Только выключатель воды и душ потолке.

Никто не объяснил причину, а любые вопросы встречали одинаковым молчанием.

Когда Эва вышла из душевой, волосы уже были вымыты, расчёсаны и спадали на плечи мокрыми прямыми прядями. Ей дали мягкую серую рубашку и брюки из другого материала – без привычных обозначений заключённой программы.

Она посмотрела на себя в зеркало.

Слишком чистая.

Слишком аккуратная.

И именно это пугало.

– Зачем меня переодели?

Женщина, стоявшая у терминала, не подняла головы.

– Так положено.

– Перед чем положено?

– Тебе сообщат.

Эва почувствовала, как внутри поднимается холод.

Если им было нечего скрывать, почему они скрывали это?

Когда за ней пришли вечером, Кейдена рядом не было. Все время её куда ведут. Все время за ней кто-то приходит. Постоянные мнипуляции, процедуры и только охранники разные.

Её повели по другому коридору – дальше от камер, дальше от медицинских кабинетов и даже дальше от той части комплекса, которую она уже успела считать личным крылом Кейдена.

Дверь открылась и Эва вошла.

Комната была больше её собственной спальни, но от этого не становилось спокойнее. Здесь стояла широкая кровать, два кресла, небольшой стол, приглушённое освещение и закрытые панели на стенах. Всё выглядело почти по-домашнему, если забыть, что на двери не было ручки изнутри.

Она сделала несколько шагов и остановилась.

Кейден стоял возле окна.

Он успел переодеться. На нём была та же чёрная форма, но без верхнего плаща; светлые волосы слегка растрепались, и в приглушённом освещении его лицо казалось ещё более бледным, а волосы белоснежные как у альбиноса.

Он посмотрел на неё.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Потом Эва медленно спросила:

– Зачем меня сюда привели?

Кейден не ответил сразу.

Его взгляд скользнул по её новой одежде, остановился на лице и снова поднялся к глазам.

– Ты сама понимаешь, зачем тебя подготовили.

– Не совсем...,- неуверенно протянула Эва. Хотя голос разума давно накидывает ей один единственный ответ, но она упорно его гонит прочь.

– Понимаешь, Эва. Тебе объяснили твоё предназначение в самый первый день.

Эва почувствовала, как внутри всё сжалось.

– И что ты хочешь сейчас сказать?

Он подошёл ближе, остановившись на таком расстоянии, чтобы она чувствовала его присутствие, но не могла сказать, что он её касается.

– Тебе объясняли, для чего предназначена программа «Эхо».

Эва смотрела на него, не моргая.

– Мне говорили, что я должна выносить ребёнка.

– Верно.

– И что дальше?

Кейден некоторое время молчал.

– Сегодня начинается следующий этап.

Она почувствовала, как холод проходит от живота к груди.

– Кто выбран?

– Это не имеет значения.

– Для меня имеет.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– Тебе не предоставят выбора.

Эва отступила на шаг, чувствуя, как внутри поднимается холодная, почти физическая паника.

– Подожди. Если речь идёт о ребёнке, почему всё должно происходить именно так? У вас есть лаборатории, генетики, технологии. Почему нельзя использовать ЭКО, искусственное оплодотворение или вообще перенести эмбрион в искусственную матку?

Кейден несколько секунд молчал, словно решал, стоит ли вообще объяснять ей то, что для него являлось частью давно установленного порядка.

– Потому что программа «Эхо» создаёт не просто беременность. Им нужен конкретный биологический результат, и лабораторное зачатие для них слишком грубый инструмент. Эмбрион должен пройти полный цикл внутри организма женщины, начиная с естественного оплодотворения и заканчивая рождением, потому что Синдикат отслеживает не только генетическую совместимость родителей, но и влияние материнского организма на развитие ребёнка.

– Но при ЭКО эмбрион всё равно развивается внутри женщины.

– Если речь идёт о переносе эмбриона, да. Но для Синдиката этого недостаточно. Им нужны данные о естественном взаимодействии репродуктивных систем, гормональном фоне, иммунной реакции и ранних этапах формирования эмбриона. Кроме того, они хотят контролировать не только генетический материал, но и сам процесс зачатия, потому что считают, что так получают более предсказуемый результат.

Эва смотрела на него, пытаясь уложить услышанное в голове.

– А искусственная матка?

– Пока не даёт им того уровня контроля, который они считают необходимым. Она позволяет поддерживать развитие уже сформированного эмбриона, но не заменяет весь биологический процесс, который они хотят изучать и использовать. Для них ты не просто женщина, которая должна выносить ребёнка, – они рассматривают твоё тело как часть технологии.

От последних слов у Эвы перехватило дыхание.

– Значит, дело не в том, что они не могут сделать это иначе.

– Нет, – спокойно ответил Кейден. – Дело в том, что они не хотят делать иначе.

Она почувствовала, как пальцы сами собой сжались в кулаки.

– И донор?

– Уже выбран.

– Кто?

Кейден не ответил.

Эва посмотрела на него и вдруг поняла, почему весь день ей ничего не объясняли, почему её отправили в купальню, выдали чистую одежду и привели именно сюда.

– Это ты, – произнесла она почти шёпотом.

Кейден не отвёл взгляда. И этого молчания оказалось достаточно.

За дверью щёлкнул замок.

Эва медленно повернулась к Кейдену.

Он стоял напротив неё совершенно неподвижно, и от этой неподвижности становилось страшнее, чем от любой угрозы.

– Что ты собираешься сделать? – спросила она.

Его лицо осталось непроницаемым.

– То, что от меня потребовали. Оплодотворить тебя.

Глава 7.

Эва продолжала смотреть на Кейдена, надеясь, что он всё-таки произнесёт хоть что-нибудь, способное опровергнуть её догадку, однако главный инквизитор стоял напротив с таким невозмутимым выражением лица, словно они обсуждали не предстоящее насилие над ней, а очередной пункт служебного распоряжения, выполнение которого давно согласовано и не требует дополнительных объяснений.

Её взгляд невольно скользнул по его фигуре, задержался на широких плечах, обтянутых чёрной тканью форменного кителя, и остановился на руках, которыми он совсем недавно распоряжался чужими жизнями с той же пугающей уверенностью, с какой сейчас собирался распоряжаться её собственной. Она вспомнила мужчину, погибшего во время утренней чистки, услышала его оборвавшийся крик и вдруг с ужасающей ясностью поняла, что для Кейдена между тем человеком и ею, вероятно, не существовало никакой принципиальной разницы. Один представлял угрозу установленному порядку, другая была необходима для его продолжения, но оба находились здесь исключительно потому, что Синдикат решил использовать их тела для достижения собственных целей.

– Значит, ты заранее знал, зачем меня готовили, – произнесла она, стараясь говорить ровно, хотя голос заметно изменился и теперь казался ей чужим. – Знал, когда меня осматривали, когда заставили раздеться перед совершенно незнакомыми людьми, когда отправили в купальню и приказали надеть эту одежду. Ты прекрасно понимал, что со мной собираются сделать, но предпочёл позволить мне самой догадаться, потому что так тебе удобнее?

Кейден медленно перевёл взгляд на её лицо, и Эва заметила, что при последних словах у него едва заметно напряглась челюсть.

– Тебя предупредили о назначении программы ещё до перевода в моё крыло. Всё остальное является частью утверждённого протокола, который не предусматривает согласования с участниками. Если ты рассчитываешь, что я начну оправдывать перед тобой решения Синдиката, то напрасно тратишь время.

– Я не прошу тебя оправдываться, – возразила она, чувствуя, как возмущение постепенно вытесняет первоначальное оцепенение. – Я пытаюсь понять, как человек может стоять перед женщиной, которая совершенно ясно даёт понять, что не хочет происходящего, и рассуждать об этом так, будто речь идёт о неисправном оборудовании. Ты ведь понимаешь, что это означает? Не для программы, не для твоего начальства, а для меня?

– Понимаю достаточно, чтобы не предлагать тебе утешений, которые ничего не изменят.

От этого ответа ей стало почти физически дурно, потому что она вдруг осознала: даже если за его холодностью скрывалось нечто человеческое, он не собирался позволять ей это увидеть. Его спокойствие не оставляло пространства для надежды, а отсутствие угроз пугало сильнее, чем открытая жестокость, поскольку свидетельствовало о полной уверенности в собственной власти.

– Тогда хотя бы скажи, что произойдёт, если я откажусь подчиняться, – потребовала Эва. – Не нужно объяснять мне, что выбора нет, я уже услышала это достаточно раз. Я хочу знать, насколько далеко ты готов зайти ради исполнения приказа.

Кейден не ответил сразу. Он посмотрел на маленький индикатор возле двери, где зелёная полоска медленно перемещалась по экрану, затем снова перевёл внимание на Эву.

– Если ты откажешься выполнять предписания, вмешается медицинский персонал, после чего тебя переведут в режим принудительного сопровождения. При повторном сопротивлении активируют имплант. Я предпочёл бы обойтись без дополнительных мер, поскольку они осложнят процедуру и ухудшат показатели твоего состояния.

– Ты предпочёл бы, – повторила она, не веря собственным ушам. – Какое великодушие. Получается, мне предлагают быть благодарной за то, что меня пока не собираются мучить сильнее необходимого?

Она не собиралась плакать, хотя слёзы уже жгли глаза, и оттого особенно ненавидела собственное тело, которое продолжало выдавать её страх вопреки всем попыткам сохранить достоинство. Ей хотелось ударить Кейдена, расцарапать его неподвижное лицо.

Кейден заметил перемену в её выражении лица раньше, чем она успела сделать движение.

– Не пытайся нападать на меня, Эва. Ты только навредишь себе, а результат останется прежним.

Она замерла.

До этой минуты он почти всегда обращался к ней по номеру либо обходился без имени, и потому прозвучавшее «Эва» неожиданно задело её сильнее, чем очередная угроза. В его голосе не было нежности, но само имя прозвучало слишком естественно, без той едва заметной паузы, с которой люди обычно произносят обозначение человека, недавно появившегося в их жизни.

Эва не успела задуматься об этом, поскольку Кейден уже отвернулся к настенному терминалу.

– Медицинский контроль, подтвердите готовность объекта семь-четыре-девять к следующему этапу.

Из динамика послышался женский голос, сухой и совершенно лишённый эмоциональных оттенков.

– Физиологические показатели находятся в допустимых пределах, главный инквизитор. Уровень кортизола повышен, однако критических отклонений не зафиксировано. Рекомендуем начать в течение ближайших двадцати минут, поскольку дальнейшее ожидание может спровоцировать нежелательную стрессовую реакцию.

Эва стиснула зубы, ощущая, как внутри поднимается новая волна отвращения. Где-то за стеной незнакомая женщина изучала показатели её организма и обсуждала предстоящее принуждение с той же деловитостью, с какой могла бы рекомендовать время приёма лекарств.

– Отключите звуковые уведомления и выведите мониторинг на мой личный канал, – распорядился Кейден. – Дополнительных сотрудников в помещение не допускать без моего разрешения.

– Принято.

Когда связь оборвалась, Эва невольно посмотрела на дверь.

– Ты даже свидетелей не хочешь, – произнесла она, чувствуя, что от бессильной злости начинает дрожать. – Или просто не желаешь, чтобы кто-то видел, как выглядит твоя работа, когда речь идёт не о казнях и допросах?

Кейден подошёл ближе, но остановился прежде, чем расстояние между ними стало угрожающим. Теперь Эва могла рассмотреть тонкий белёсый шрам возле его подбородка, почти незаметный при обычном освещении, и тёмную отметину на запястье, частично скрытую рукавом. Она не знала, почему замечает подобные подробности именно сейчас, когда следовало думать исключительно о возможности сопротивления, однако испуганное сознание цеплялось за любые мелочи, лишь бы не смотреть прямо на то, что ожидало её впереди.

– Если здесь появятся сотрудники медицинского блока, они будут действовать по протоколу, не принимая во внимание твои возражения, – сказал Кейден. – Поэтому советую тебе перестать провоцировать вмешательство, которого ты сама боишься.

– А тебя я должна бояться меньше?

Он задержал на ней взгляд.

– Тебе следует бояться последствий необдуманных поступков.

Эва отвернулась, потому что больше не могла выносить его спокойствия. Ей казалось, что в комнате постепенно становится меньше воздуха, хотя вентиляция продолжала работать,

а температура оставалась неизменной. Всё здесь было предусмотрено для человеческого тела, но ничто не предназначалось для человека, которому это тело принадлежало.

На дальней стене находилось узкое окно, закрытое непрозрачной панелью, и Эва подошла к нему, стараясь не обращать внимания на то, что Кейден следит за каждым её движением. Она приложила ладонь к холодной поверхности, надеясь почувствовать хотя бы слабую вибрацию внешнего мира, однако под пальцами оказался лишь гладкий искусственный материал.

– Я даже не помню, любила ли когда-нибудь кого-нибудь, – неожиданно произнесла она, не оборачиваясь. – Не помню, были ли у меня родители, друзья, человек, которому я доверяла. Не знаю, целовалась ли я раньше, хотела ли иметь детей и представляла ли когда-нибудь, как будет выглядеть моя жизнь через несколько лет. У меня отняли даже возможность понять, что именно я потеряла, а теперь вы собираетесь использовать эту пустоту, чтобы сделать со мной всё, что захотите.

За её спиной было тихо, и Эва уже решила, что Кейден не станет отвечать, когда услышала его голос. – Отсутствие воспоминаний не освобождает тебя от настоящего. Она медленно повернулась.

– А тебя ничто не освобождает от ответственности за то, что ты делаешь. Впервые за весь разговор его лицо изменилось настолько заметно, что Эва невольно замолчала. Это продолжалось не больше секунды: взгляд Кейдена потяжелел, губы плотно сомкнулись, а пальцы правой руки сжались, словно он собирался что-то удержать. Затем привычное выражение вернулось, и она уже не могла быть уверена, что не придумала увиденное.

– Я прекрасно знаю, за что отвечаю, – произнёс он.

Когда Кейден приблизился к ней во второй раз, Эва инстинктивно отступила, пока не почувствовала спиной холодную стену. Он остановился на расстоянии вытянутой руки, посмотрел на показатели небольшого браслета, закреплённого у неё на запястье, и нахмурился.

– Твой имплант приближается к порогу срабатывания. Если продолжишь дышать так часто, система воспримет это как неконтролируемую стрессовую реакцию.

– Тогда, возможно, стоит сообщить вашим замечательным специалистам, что женщина, которую собираются принудить к беременности, имеет некоторые основания нервничать, – ответила Эва, с трудом удерживая голос от дрожи. – Или это тоже считается недопустимым отклонением?

Кейден протянул руку к её запястью, но она резко отдёрнула ладонь, прежде чем он успел прикоснуться.

На мгновение он застыл, и Эва увидела, как его взгляд скользнул по её лицу, остановился на губах и почти сразу вернулся к глазам. Движение было настолько коротким, что в другой ситуации она едва ли придала бы ему значение, однако сейчас оно вызвало неожиданное ощущение опасности, отличавшееся от привычного страха перед его властью.

Ей показалось, что под неподвижной маской инквизитора на мгновение проявился мужчина, который смотрел на неё не как на объект медицинской программы.

Но это не принесло облегчения.

Напротив, мысль о том, что Кейден может испытывать к ней физическое влечение, показалась ещё более унизительной, поскольку превращала происходящее из безличного исполнения приказа в нечто, от чего она не сумеет защититься даже собственной ненавистью.

– Не прикасайся ко мне, – сказала Эва. Кейден медленно опустил руку.

– Тогда следи за дыханием самостоятельно.

Она закрыла глаза, пытаясь выполнить его требование, но чем сильнее старалась успокоиться, тем отчётливее чувствовала сердцебиение. Шейный имплант нагрелся, предупреждая о приближении болевого порога, и Эва вцепилась пальцами в край собственной одежды, потому что меньше всего хотела, чтобы Кейден увидел, насколько близка она к панике.

Он отошёл к терминалу и что-то изменил в настройках, после чего неприятное тепло у основания шеи постепенно ослабло.

– Что ты сделал? – спросила она, не скрывая подозрения.

– Изменил допустимый диапазон показателей на время процедуры. Твоё состояние не должно приводить к автоматическому наказанию, если нет прямого нарушения режима.

– Как удобно, что ты можешь решать, когда мне позволено бояться.

Кейден не ответил, и Эва не стала продолжать, поскольку неожиданно поняла, что больше не хочет тратить силы на попытки вызвать у него хоть какую-нибудь реакцию. Он мог обладать собственными страхами, сомнениями и желаниями, но ни одно из них не имело значения, пока он оставался человеком, которому достаточно было произнести несколько слов, чтобы её тело превратилось в собственность государства.

Она посмотрела на широкую кровать, застеленную тёмным бельём, и почувствовала, как к горлу подступает тошнота. – Я хочу, чтобы ты знал одну вещь, Кейден, – произнесла она, заставляя себя встретиться с ним взглядом. – Если после сегодняшнего дня у меня останется хоть что-нибудь, что принадлежит только мне, это будет память о том, что я не соглашалась. Неважно, сколько документов вы подпишете и какие показатели внесёте в свои отчёты. Ты можешь заставить меня подчиниться, но не сможешь заставить считать происходящее нормальным.

Он долго смотрел на неё, и Эве показалось, что сейчас последует очередное напоминание о правилах, однако Кейден лишь снял перчатки, аккуратно положил их на край стола и ответил: – Я не требую, чтобы ты считала это нормальным. Она не успела понять, почему именно эти слова вызвали у неё такую сильную боль. Возможно, потому, что впервые за весь вечер он не попытался убедить её в справедливости установленного порядка. А возможно, потому, что признание чудовищности происходящего из уст человека, который всё равно собирался выполнить приказ, оказалось страшнее любой лжи.

Кейден подошёл к ней и, не спрашивая разрешения, взял её за запястье – на этот раз Эва не отдёрнула руку, потому что поняла: сопротивление лишь затянет неизбежное. Его пальцы были тёплыми, почти горячими по сравнению с её собственной ледяной кожей, и от этого прикосновения по всему телу прошла дрожь, которую она не сумела скрыть.

– Ложись на кровать, – сказал он, и голос его звучал ровно, без приказа, но и без просьбы.

Эва посмотрела на него, потом на кровать, и на мгновение ей показалось, что она не сможет сделать ни шагу. Но ноги уже несли её вперёд, словно тело решило подчиниться раньше, чем разум успел осознать происходящее. Она села на край, чувствуя, как прохладная ткань покрывала касается кожи под тонкой одеждой, и медленно легла, уставившись в потолок.

Кейден подошёл к ней, и она услышала тихий звук расстёгиваемой молнии, шелест ткани, падающей на пол. Она не повернула головы. Не хотела видеть. Вместо этого принялась считать едва заметные соединения между панелями потолка – одно, два, три, – пытаясь сосредоточиться на ровных линиях, потому что, если позволить себе думать о происходящем, она не выдержит.

Кровать прогнулась под его весом.

Эва почувствовала, как его рука легла на её бедро, и всё тело непроизвольно напряглось. Кейден не торопился. Его ладонь медленно скользнула вверх, к краю одежды, и на мгновение задержалась там, словно он ждал чего-то – может быть, её согласия, которого она не собиралась давать, или её сопротивления, которого она не могла себе позволить.

– Расслабься, – произнёс он тихо. – Если ты будешь напряжена, это причинит боль. – Не говори со мной так, – ответила она, не отрывая взгляда от потолка. – Не притворяйся, что тебе не всё равно. Он ничего не сказал. Его пальцы скользнули под ткань, и Эва почувствовала, как одежда медленно сползает с её плеч, обнажая кожу. Прохладный воздух коснулся груди,

живота, бёдер, и она закрыла глаза, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. Она лежала перед ним совершенно обнажённая, беззащитная, и это ощущение было почти невыносимым.

Кейден наклонился над ней, и она почувствовала тепло его тела, запах – что-то древесное, с лёгкой горчинкой, – и это было неожиданно интимно, слишком по-человечески для того, что должно было произойти. Его рука легла ей на живот, потом скользнула ниже, и Эва вздрогнула, когда его пальцы коснулись чувствительной кожи между бёдер.

– Ты дрожишь, – заметил он.

– Это не имеет значения.

– Имеет.

Она не поняла, что он хотел этим сказать, и не стала спрашивать. Его пальцы двигались медленно, осторожно, словно он пытался подготовить её тело к тому, что должно было последовать, и от этой методичной настойчивости Эве хотелось одновременно оттолкнуть его и разрыдаться. Она чувствовала, как её собственное тело предаёт её – мышцы непроизвольно расслабляются под его прикосновениями, дыхание становится глубже, и от этого унижение становилось ещё острее.

Она снова принялась считать панели на потолке. Одно, два, три, четыре. Пятое соединение было неровным, с крошечной трещиной, и она уставилась на неё, цепляясь за эту трещину, как за спасительную соломинку.

Когда Кейден наконец придвинулся ближе, она почувствовала, как что-то твёрдое коснулось её бедра, и всё её существо сжалось в ожидании боли. Он вошёл медленно, почти осторожно, но Эва всё равно вскрикнула – коротко, приглушённо, – и вцепилась пальцами в покрывало.

– Тише, – прошептал он, и его голос звучал напряжённо, словно ему тоже стоило усилий сохранять контроль. – Дыши.

Она попыталась. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Но тело отказывалось слушаться, мышцы сжимались вокруг него, и от этого ощущение становилось ещё более острым, почти невыносимым. Кейден замер, давая ей время привыкнуть, и Эва ненавидела его за это ожидание, за то, что он заставлял её чувствовать каждое мгновение происходящего.

– Продолжай, – сказала она сквозь зубы. – Не надо делать вид, что тебе важно, насколько мне больно. Он не ответил. Его рука легла ей на бедро, придерживая, и он начал двигаться – медленно, размеренно, словно отмеряя каждое движение. Эва закрыла глаза и снова принялась считать, но сбилась уже на втором соединении, потому что каждое его движение отзывалось во всём теле, и от этого счёт терял смысл.

Она слышала его дыхание – тяжёлое, сбивающееся, – и от этого звука ей хотелось одновременно оттолкнуть его и притянуть ближе. Это было неправильно, чудовищно неправильно, но её тело, казалось, жило собственной жизнью, отзываясь на него вопреки всем протестам разума. Когда его движения стали быстрее, глубже, она почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее, тяжёлое, и с ужасом поняла, что это не боль. – Нет, – прошептала она, не открывая глаз. – Нет, пожалуйста, нет.

Кейден не остановился. Его пальцы впились в её бедро, дыхание стало прерывистым, и Эва почувствовала, как его тело напряглось, как последний толчок прижал её к кровати. Она почувствовала, как что-то горячее разливается внутри, и от этого ощущения к горлу подступила тошнота.

Она отвернулась, уставившись в стену, и только тогда поняла, что по её щекам текут слёзы. Она не плакала навзрыд, не пыталась привлечь внимание и не ждала утешения. Слёзы просто стекали по вискам, впитывались в волосы и исчезали на подушке, а Эва продолжала смотреть в сторону, потому что боялась пошевелиться и обнаружить, что всё случившееся действительно произошло.

Кейден медленно вышел из неё и отстранился. Несколько секунд он сидел неподвижно, и Эва слышала, как выравнивается его дыхание. Потом он поднялся, и она услышала шорох одежды, тихий звук застёгиваемой молнии. Она осталась лежать, не двигаясь, чувствуя, как что-то тёплое и липкое стекает по внутренней стороне бедра.

Кейден подошёл к терминалу, где несколько секунд изучал поступающие данные. Эва слышала негромкие звуковые сигналы, однако не могла заставить себя повернуть голову, чтобы посмотреть, что именно он делает.

– Медицинский контроль, завершение первичного этапа, – произнёс он обычным деловым голосом. – Зафиксируйте время и перенесите последующее обследование на утренний цикл.

– Принято, главный инквизитор. Необходимо провести немедленную оценку состояния объекта. – Я сказал, утром. В динамике возникла короткая пауза.

– Согласно протоколу, после первого контакта требуется осмотр в течение тридцати минут.

– Протокол допускает отсрочку по распоряжению ответственного инквизитора. Осмотр проведут утром, а до этого момента доступ персонала в помещение будет закрыт.

Эва услышала подтверждение, затем тихий сигнал завершения связи.

Ей хотелось спросить, почему он решил оставить её в покое, но она боялась, что ответ снова окажется связан с эффективностью программы, и потому предпочла промолчать.

Кейден подошёл к кровати.

– Эва, тебе нужно выпить воды. После такого уровня стресса обезвоживание только усилит головную боль.

Она не пошевелилась.

– Я знаю, что ты меня слышишь, – продолжил он спустя некоторое время. – Если тебе трудно подняться, я могу поставить стакан ближе, но пить всё равно придётся.

Эва медленно повернула голову и посмотрела на него.

– Уходи.

Он замер.

– Тебе понадобится помощь, если начнётся реакция на имплант.

– Я не хочу, чтобы ты находился рядом, – сказала она, и собственный голос показался ей настолько тихим, что пришлось повторить громче. – Не хочу слышать, как ты разговариваешь, не хочу смотреть на тебя и не хочу, чтобы ты объяснял мне, что нужно моему организму. Ты уже сделал всё, что считал необходимым, поэтому оставь меня хотя бы сейчас. Кейден несколько секунд смотрел на неё, после чего поставил стакан на прикроватный столик.

– Медицинский канал останется активным. Если показатели выйдут за пределы нормы, персонал вмешается независимо от твоего желания.

Эва отвернулась к стене.

Она услышала, как он направился к двери, и уже решила, что разговор закончен, когда Кейден остановился.

– Я не стану требовать, чтобы ты забыла сегодняшний вечер.

Она медленно закрыла глаза.

– У меня и без того почти ничего не осталось в памяти, Кейден. Не беспокойся, это я запомню.

Дверь открылась и бесшумно закрылась.

Только после этого Эва позволила себе согнуться, подтянув колени к груди, и прижала ладонь ко рту, чтобы заглушить звук, который вырвался из горла вопреки всем попыткам сдержаться.

Что же до Кейдена...

Кейден остановился за закрывшейся дверью, но почему-то не спешил уходить, продолжая смотреть на неподвижную панель так, словно ожидал, что она снова откроется и позволит ему исправить нечто, чему он даже не решался дать название. За годы службы ему приходилось принимать решения, после которых люди умоляли о пощаде, проклинали его и умирали, однако ни один из этих голосов не преследовал его так настойчиво, как тихое обещание Эвы никогда не забывать сегодняшний вечер.

Он медленно сжал пальцы, подавляя совершенно бессмысленное желание вернуться к ней, и впервые за долгое время поймал себя на мысли, что готов был бы вынести любую её ненависть, лишь бы однажды она посмотрела на него иначе.

Глава 8.

Утром её разбудили не световые панели, а чужие голоса.

Эва лежала на боку, укрывшись одеялом почти до подбородка, когда дверь открылась и в комнату вошли две женщины в медицинской форме. Одна была высокой, с гладко зачёсанными тёмными волосами и узким лицом, на котором не отражалось ничего, кроме профессиональной сосредоточенности; другая выглядела значительно старше, носила очки с тонкой металлической оправой и двигалась с осторожностью человека, привыкшего работать среди хрупкого оборудования.

– Объект семь-четыре-девять, просыпайся, – произнесла первая, останавливаясь возле кровати. – Нам необходимо провести контрольный осмотр и взять образцы для лабораторного исследования. После этого тебе предоставят питание и разрешат вернуться к обычному режиму содержания.

Эва открыла глаза, но не ответила.

Слова «обычный режим» прозвучали настолько нелепо, что на мгновение ей захотелось рассмеяться. Ещё вчера она была женщиной, которой пытались объяснить назначение программы, а теперь её тело уже стало частью этой программы, и окружающие вели себя так, словно ничего существенного не произошло.

Старшая медработница подошла ближе, взглянула на показания браслета и негромко обратилась к коллеге:

– Давление ниже вчерашнего, пульс нестабилен. Ты уверена, что приказ предусматривает полный осмотр без предварительной психологической оценки?

– Приказ предусматривает сбор материала и проверку физиологических последствий, – ответила молодая женщина. – Всё остальное находится в компетенции отдела адаптации.

– Отдел адаптации не работает с такими состояниями, Лиан. Они фиксируют поведенческие реакции и назначают коррекцию, а не оказывают помощь.

Эва впервые внимательно посмотрела на старшую женщину.

Та заметила её взгляд и, помедлив, слегка наклонилась.

– Меня зовут Марен. Я проведу обследование, но сначала хочу убедиться, что ты понимаешь, где находишься и что сейчас происходит. Можешь не отвечать на вопросы, касающиеся вчерашнего вечера, если тебе тяжело об этом говорить.

Лиан недовольно поджала губы.

– Марен, нам не поручали проводить беседы с объектом.

– Мне поручили оценить её состояние, а для этого необходимо установить контакт, – спокойно возразила Марен. – Если ты считаешь, что человек способен пройти медицинское обследование, находясь в состоянии выраженного психологического шока, можешь оформить соответствующее заключение на своё имя. Я, со своей стороны, не собираюсь подделывать показатели ради соблюдения графика.

Молодая женщина промолчала, хотя выражение её лица ясно показывало, что подобное поведение коллеги ей не нравится.

Эва наблюдала за ними, пытаясь понять, действительно ли между сотрудниками Синдиката возможны разногласия или всё происходящее представляет собой очередной способ заставить её довериться одному из представителей системы.

Марен села на край стула, стоявшего возле кровати, и некоторое время ничего не говорила, позволяя Эве привыкнуть к её присутствию.

– Я понимаю, что сейчас ты не склонна доверять никому из нас, – наконец произнесла она. – И не собираюсь убеждать тебя в обратном, потому что для доверия нужны основания,

которых у тебя пока нет. Но я могу объяснять каждое действие до того, как его выполню, и не стану скрывать результаты обследования, если у меня будет право их сообщить.

– А если права не будет? – спросила Эва.

Марен встретилась с ней взглядом.

– Тогда я скажу тебе, что не имею права отвечать, вместо того чтобы придумывать удобную ложь.

Эва почувствовала, как в груди болезненно сжалось что-то, отдалённо напоминавшее благодарность, и тут же разозлилась на себя за эту реакцию. Ей не хотелось радоваться элементарной человеческой порядочности так, словно она получила редкую привилегию, однако после нескольких дней, проведённых среди людей, разговаривавших с ней исключительно приказами, даже подобное обещание казалось почти невероятным.

– Почему вы здесь работаете? – неожиданно спросила она.

Марен не отвела взгляда.

– Потому что у меня есть квалификация, которая позволяет уменьшать последствия чужих решений. Это не тот ответ, который оправдывает моё присутствие здесь, но другого у меня нет.

– Вы ведь понимаете, что происходит с женщинами, которых называют инкубаторами?

– Понимаю достаточно, чтобы не пытаться убедить тебя, будто происходящее можно считать добровольным участием в медицинской программе.

Лиан резко повернулась к ней.

– Ты переходишь границы допустимого обсуждения.

– Тогда можешь указать в отчёте, что я назвала вещи своими именами, – ответила Марен, даже не повысив голоса. – А теперь принеси воду и проверь, готова ли лаборатория принять образцы.

Когда Лиан вышла, Эва продолжала смотреть на старшую женщину, чувствуя, что впервые с момента пробуждения столкнулась с человеком, который не пытается убедить её в естественности происходящего.

– Вы не боитесь, что она на вас донесёт? – спросила она.

Марен устало улыбнулась, и эта улыбка была настолько человеческой, что Эве внезапно захотелось расплакаться.

– Боюсь. Но страх не всегда является достаточной причиной, чтобы молчать.

Осмотр оказался коротким, хотя Эве он показался бесконечным. Марен действительно предупреждала о каждом действии, не задавала ненужных вопросов и несколько раз останавливала процедуру, когда замечала, что Эва начинает дрожать. Лиан вернулась с оборудованием и в дальнейшем почти не разговаривала, ограничиваясь регистрацией показателей и передачей инструментов.

После обследования Марен помогла Эве сесть и протянула стакан воды.

– Сегодня тебе необходимо отдыхать, – сказала она. – Физических осложнений, требующих немедленного вмешательства, я не обнаружила, но это не означает, что твоё состояние можно считать удовлетворительным. Я внесу рекомендацию о временном ограничении нагрузок и повторной психологической оценке.

– А если Кейден решит иначе?

Марен медленно сняла перчатки.

– Тогда решение будет принято вопреки моей рекомендации, и я зафиксирую это в медицинской карте.

– И что это изменит?

– Возможно, ничего. Но иногда единственное, что мы можем сделать, – оставить документальное подтверждение того, что последствия были предсказуемы.

Эва опустила взгляд на собственные руки.

– Значит, вы тоже ничего не можете изменить.

Марен долго молчала, прежде чем ответить:

– Я могу изменить то, как с тобой обращаются в течение ближайших десяти минут. И пока это всё, что у меня есть.

Эва не знала, что сказать, поскольку впервые услышала признание бессилия от человека, который не пытался превратить его в оправдание собственной жестокости.

Когда женщины ушли, она осталась сидеть на кровати, держа стакан обеими руками, хотя вода давно перестала быть холодной. Ей хотелось верить, что Марен действительно отличается от остальных сотрудников, но опыт последних дней научил её опасаться любой надежды, поскольку именно надежда делала последующее разочарование особенно болезненным.

На стенном экране появилась новая строка.

ПРОГРАММА «ЭХО». ПЕРВИЧНЫЙ ЭТАП ЗАВЕРШЁН. ОЖИДАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ.

Эва прочитала сообщение несколько раз.

Система уже превратила случившееся в отчёт.

Её страх, унижение, сопротивление и слёзы исчезли за тремя словами, которые можно было внести в любую таблицу.

Она подняла стакан, сделала небольшой глоток и внезапно поняла, что больше не хочет видеть собственное отражение. Не потому, что считала себя виноватой, а потому, что боялась встретиться взглядом с женщиной, которой не сумела помочь.

В это же время в административном крыле комплекса начиналось закрытое заседание комиссии по генетической стабильности.

Эва ничего не знала о нём, хотя именно от решений людей, собравшихся за длинным овальным столом, зависело, как скоро её снова вызовут на обследование и какие требования предъявят к её организму. На стенах зала располагались экраны с генетическими схемами, статистикой рождаемости и диаграммами выживаемости детей, появившихся в результате предыдущих этапов программы.

Кейден стоял возле дальнего окна, за которым виднелись серые здания административного сектора, и просматривал отчёт на персональном терминале.

– Результаты первичного этапа по линии семь-четыре-девять поступили с задержкой, – сообщил мужчина в светло-сером костюме, сидевший во главе стола. – Насколько мне известно, медицинский персонал был готов провести обследование ещё ночью, однако соответствующее распоряжение отменили.

Кейден поднял глаза.

– Осмотр перенесли по моему решению. Уровень стресса объекта превышал рекомендуемые показатели, и немедленное вмешательство могло ухудшить состояние репродуктивной системы.

– Нас интересует не комфорт участницы программы, а достоверность результатов, – заметил другой член комиссии, пожилой мужчина с искусственным левым глазом. – Любые отклонения от протокола должны быть согласованы заранее, особенно когда речь идёт о столь редком генетическом материале.

– Если комиссия желает получить достоверные результаты, ей следует учитывать медицинские ограничения, а не требовать выполнения процедур исключительно ради соблюдения расписания, – ответил Кейден. – Я не намерен ставить под угрозу пригодность объекта из-за административной нетерпеливости.

Председатель комиссии медленно откинулся на спинку кресла.

– Твоя позиция понятна, главный инквизитор. Однако мы хотели бы напомнить, что семь-четыре-девять представляет собой не просто очередную репродуктивную единицу. Её

нейронная сеть сохранила признаки активности, которые ранее наблюдались только у носителей экспериментальных имплантов первого поколения.

Кейден не изменился в лице.

– Это отражено в первоначальном заключении.

– Да, но новые данные позволяют предположить, что разрушение импланта не привело к полной утрате соответствующих функций. Некоторые реакции её нервной системы демонстрируют необычную устойчивость к внешнему воздействию, и это представляет для программы значительно больший интерес, чем мы предполагали.

Мужчина с искусственным глазом вывел на центральный экран изображение нейронной активности.

– Посмотри на этот участок. Во время вчерашнего эмоционального пика мы зафиксировали кратковременную синхронизацию нескольких областей, которые у обычного человека не должны демонстрировать подобную согласованность. Система классифицировала её как техническую погрешность, однако повторная проверка показала, что оборудование работало исправно.

Кейден подошёл ближе.

– И что вы предлагаете?

– Дополнительное исследование, – ответил председатель. – Нам необходимо установить, является ли эта реакция следствием повреждения импланта или свидетельствует о сохранении неизвестного механизма, который может передаваться по наследству.

– Для этого потребуется нейронная стимуляция, – заметил Кейден.

– Разумеется. Причём значительно более интенсивная, чем при стандартной диагностике.

В зале воцарилась короткая тишина.

Кейден посмотрел на изображение, затем медленно закрыл отчёт.

– Объект находится в стадии восстановления после первичного этапа. Проведение агрессивной стимуляции сейчас создаст неоправданный риск для программы.

Председатель комиссии внимательно изучал его лицо.

– Ты необычайно осторожен с этой женщиной, Кейден. Раньше подобные соображения не мешали тебе добиваться необходимых результатов.

– Раньше мне не поручали сохранять репродуктивную пригодность объекта с настолько редкими характеристиками, – ответил тот. – Если вы хотите получить ребёнка с заданными параметрами, придётся учитывать ограничения организма, который должен его выносить.

– Очень хорошо. Мы рассмотрим возможность отсрочки.

Кейден уже собирался вернуться к своему месту, когда председатель добавил:

– Однако существует ещё один вопрос, который комиссия намерена обсудить до завершения заседания.

На экране появилась новая запись.

ОБЪЕКТ 749. НЕЙРОННАЯ АКТИВНОСТЬ: НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ОТКЛИК.

– Вчера вечером система зарегистрировала попытку обращения к закрытому сектору памяти, – произнёс председатель. – Запрос длился менее секунды и не сопровождался сознательной активностью объекта, однако его структура полностью совпадает с одним из архивных протоколов, доступ к которым ограничен высшим уровнем допуска.

Кейден медленно поднял взгляд.

– Каким именно протоколом?

Председатель не ответил сразу.

Он коснулся панели управления, и на центральном экране возникло обозначение, которого не было ни в одном из доступных Эве документов.

ЭХО-0. ИСХОДНЫЙ КОНТУР.

– Вот это, главный инквизитор, – произнёс он, – нам и предстоит выяснить.

Глава 9.

Близился обед.

Эва сидела на полу возле кровати, когда дверь снова открылась.

Она не сразу подняла голову, поскольку ожидала увидеть Лиан или кого-нибудь из сотрудников охраны, однако вошедший мужчина оказался ей незнаком. На вид ему было около тридцати лет; высокий, темноволосый, с резкими чертами лица и небольшой серебристой пластиной у виска, он носил форму внутренней службы безопасности, но, в отличие от большинства сотрудников комплекса, двигался без подчеркнутой строевой выправки.

Увидев Эву на полу, он остановился.

– Мне сообщили, что ты должна находиться в постели, – сказал он, не приближаясь. – Медицинский блок оформил распоряжение об ограничении физических нагрузок, поэтому я предполагал, что найду тебя хотя бы на кровати.

Эва подняла на него усталый взгляд.

– Если вас прислали проверить, достаточно ли послушно я выполняю распоряжения, можете сообщить начальству, что пол находится на расстоянии нескольких сантиметров от кровати и никаких серьёзных нарушений режима я пока не совершила.

Мужчина посмотрел на неё с выражением, в котором мелькнуло что-то похожее на удивление.

– Меня прислали не за этим. Я должен проверить систему доступа и убедиться, что после ночного изменения протоколов никто из посторонних не сможет войти сюда без разрешения главного инквизитора.

– Тогда проверяйте, – ответила Эва, отвернувшись. – Только не пытайтесь убедить меня, что всё это делается ради моей безопасности.

Он некоторое время молчал, затем направился к панели возле двери и открыл техническое меню.

– Не стану. Судя по тому, что я успел увидеть за последние годы, слово «безопасность» здесь слишком часто используют люди, которые подразумевают под ним совершенно разные вещи.

Эва снова посмотрела на него.

Мужчина работал с терминалом, не оборачиваясь, однако по его тону было невозможно определить, случайно ли он произнёс эту фразу или намеренно хотел, чтобы она услышала скрытый смысл.

– А вы что под ним подразумеваете? – спросила она.

– Возможность дожить до следующего утра, не обнаружив, что кто-то изменил правила посреди ночи, – ответил он. – Хотя, признаюсь, в этом здании даже такое определение считается чрезмерно оптимистичным.

Эва невольно нахмурилась.

– Вы всегда разговариваете с заключёнными подобным образом?

Он закончил вводить команду и повернулся.

– Обычно заключённые предпочитают, чтобы я вообще с ними не разговаривал. Но ты, похоже, ещё не решила, к какой категории меня отнести.

– А разве у меня есть основания считать вас кем-то другим, кроме очередного человека в форме?

Мужчина несколько секунд смотрел на неё, после чего слегка склонил голову.

– Пока никаких. И я бы на твоём месте не торопился их искать.

Он вернулся к терминалу, подтвердил обновление доступа и направился к выходу.

У самой двери Эва неожиданно окликнула его:

– Как вас зовут?

Мужчина остановился.

– Рейнар.

– И что именно вы здесь делаете, Рейнар, кроме проверки дверей?

Он посмотрел на неё через плечо.

– Слежу за тем, чтобы люди, которым доверили ключи, не забывали, какие двери им разрешено открывать.

После его ухода Эва ещё некоторое время смотрела на закрывшуюся дверь, пытаясь понять, почему этот короткий разговор оставил после себя странное ощущение. Рейнар не предложил помощи, не пообещал защиты и не сказал ничего, что могло бы свидетельствовать о сочувствии, однако впервые за последние дни кто-то разговаривал с ней так, словно она способна самостоятельно понимать смысл услышанного.

Она не знала, стоит ли придавать этому значение.

И всё же запомнила его имя.

К вечеру Марен вернулась с результатами обследования.

Эва сидела на кровати, завернувшись в одеяло, и без особого интереса наблюдала за тем, как женщина закрывает дверь и проверяет показания медицинского браслета.

– Физиологически твоё состояние стабильно, – сообщила Марен, присаживаясь рядом. – Я добилась отсрочки дополнительных процедур на несколько дней, хотя не могу обещать, что решение останется в силе. Комиссия рассматривает возможность расширенного нейронного обследования, и это вызывает у меня определённые опасения.

– Почему?

Марен помедлила.

– Потому что они обнаружили особенности, которых не ожидали увидеть. Я не располагаю полными данными, но знаю, что сегодня несколько специалистов запрашивали доступ к архивам первого поколения нейроимплантов. Обычно подобные запросы не делают ради стандартной диагностики.

Эва почувствовала, как по спине пробежал холод.

– Это связано с моей памятью?

– Возможно. Но я не хочу строить предположения, которые могут оказаться ошибочными.

– А если они действительно найдут способ вернуть мне воспоминания?

Марен посмотрела на неё с неожиданной серьёзностью.

– Тогда тебе придётся решить, готова ли ты узнать то, что они намеренно от тебя скрывали. И я очень надеюсь, что у тебя будет возможность принять это решение самостоятельно.

Эва опустила глаза.

Она столько раз представляла, как однажды вспомнит собственную жизнь, что почти перестала задумываться о том, какой именно эта жизнь могла оказаться. В её воображении прошлое постепенно превратилось в место, где существовали безопасность, любовь и право на собственный выбор, хотя ничто не гарантировало, что действительность была именно такой.

– Мне кажется, что я должна хотеть вспомнить всё, – тихо произнесла она. – Но иногда я думаю, что, возможно, память исчезла не только потому, что кто-то решил её отнять. Вдруг там есть что-то настолько страшное, что я сама предпочла бы никогда об этом не знать?

Марен осторожно положила ладонь на край кровати, не пытаясь прикоснуться к ней.

– Страх перед неизвестным не означает, что ты не справишься с правдой. Но и желание узнать её не обязывает тебя соглашаться на любые методы, которые предложат специалисты Синдиката.

Эва кивнула, хотя мысли уже ускользали от разговора.

Когда Марен ушла, она долго сидела неподвижно, слушая тихое гудение вентиляции. Затем медленно легла, подтянула одеяло к плечам и закрыла глаза, надеясь хотя бы ненадолго провалиться в сон без сновидений.

Однако стоило ей начать засыпать, как перед внутренним взглядом возникло странное изображение.

Она увидела собственную руку, лежавшую на гладкой металлической поверхности, и тонкую линию света, проходившую по краю небольшого устройства. Где-то рядом звучал голос, но слова оставались неразборчивыми, словно их произносили сквозь толщу воды.

Эва попыталась повернуть голову, чтобы увидеть говорившего, однако изображение рассыпалось, уступив место привычной темноте.

Она резко открыла глаза.

Сердце колотилось так сильно, что шейный имплант начал нагреваться, предупреждая о повышении стрессового уровня.

На настенном экране появилась надпись:

НЕЙРОННАЯ АКТИВНОСТЬ: ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ.

Эва села, прижимая ладонь к груди, и попыталась восстановить увиденное, но чем сильнее старалась вспомнить, тем быстрее исчезали подробности.

Осталось только странное ощущение, будто она уже держала в руках нечто похожее на тот предмет.

И ещё одна мысль, настолько неожиданная, что она испугалась её сильнее, чем самого видения.

Возможно, её память была не уничтожена.

Возможно, кто-то продолжал удерживать её взаперти.

На экране вспыхнуло новое сообщение.

ОБНАРУЖЕН НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К ЗАЩИЩЁННОМУ СЕКТОРУ.

ИСТОЧНИК: ОБЪЕКТ 749.

ПЕРЕДАЧА ДАННЫХ НАЧАТА.

Эва смотрела на надпись, не понимая, что именно происходит, пока последняя строка не заставила её похолодеть.

ПОЛУЧАТЕЛЬ: НЕ УСТАНОВЛЕН.

А затем на экране появились слова, которых она прежде никогда не видела, но которые почему-то вызвали у неё необъяснимое чувство узнавания.

«НЕ ПОЗВОЛЯЙ ИМ ЗАВЕРШИТЬ ЭХО».

Глава 10

Эва ещё несколько минут смотрела на настенный экран, хотя предупреждение исчезло почти сразу после того, как она успела прочитать последнюю строку. На его месте снова появилась привычная информация о температуре помещения, состоянии вентиляции и времени следующего медицинского осмотра, словно ничего необычного не произошло и система не сообщала ей только что о передаче неизвестных данных.

Она несколько раз мысленно повторила фразу, пытаясь удержать её в памяти.

Не позволяй им завершить Эхо.

Предупреждение не содержало ни объяснений, ни указаний, а потому могло означать практически что угодно, начиная от сбоя повреждённого импланта и заканчивая чьей-то попыткой связаться с ней через защищённый канал. Однако больше всего Эву беспокоило другое: слова показались ей знакомыми ещё до того, как она успела осмыслить их значение, словно услышала нечто, о чём когда-то уже знала, но теперь не могла вспомнить.

Она поднялась с кровати и подошла к терминалу, стараясь двигаться осторожно, поскольку после вчерашнего вечера тело всё ещё отзывалось неприятной тяжестью на каждое резкое движение. Поверхность экрана оставалась гладкой и холодной, а единственная доступная ей панель управления позволяла изменить освещение, вызвать медицинского сотрудника или запросить воду.

Эва коснулась раздела уведомлений.

ИСТОРИЯ СОБЫТИЙ: ПУСТО.

Она нахмурилась, вернулась на предыдущую страницу и снова открыла журнал, но система упрямо утверждала, что никаких сообщений за последние шесть часов не поступало.

– Разумеется, – пробормотала она, чувствуя, как раздражение постепенно вытесняет тревогу. – Было бы слишком любезно с вашей стороны оставить мне хоть одно доказательство.

Слова прозвучали громче, чем она рассчитывала, и Эва невольно посмотрела на потолок, где за неприметными отверстиями располагались камеры наблюдения. После всего произошедшего ей было трудно избавиться от ощущения, что даже собственные мысли она произносит в присутствии посторонних, хотя прекрасно понимала, что чтение мыслей и обычная запись звука представляют собой совершенно разные технологии.

Она снова легла, однако сон больше не приходил. Стоило закрыть глаза, как перед ней возникали металлическая поверхность, незнакомое устройство и женские пальцы, двигавшиеся с удивительной уверенностью, будто выполнявшие привычную работу.

Эва не знала, кому принадлежали эти руки.

И всё же её собственные пальцы вдруг непроизвольно повторили странное движение, словно она собиралась повернуть невидимую деталь между большим и указательным пальцами.

Она замерла, уставившись на ладонь.

Движение было слишком точным, чтобы показаться случайным, и слишком естественным, чтобы она могла объяснить его сознательным подражанием увиденному. На мгновение Эве захотелось повторить его ещё раз, но она испугалась, что система снова зафиксирует неизвестную активность, после чего к ней явятся специалисты, которые сочтут происходящее очередным основанием для болезненного обследования.

Поэтому она опустила руку и заставила себя смотреть в потолок, пока напряжение постепенно не ослабло.

И только тогда вспомнила о книге.

«Сад после зимы».

Она лежала в нижнем отделении прикроватного столика, куда Эва убрала её после первого знакомства, опасаясь, что сотрудники медицинского блока сочтут бумажный роман ненужным предметом и заберут. Книга казалась совершенно чужеродной среди стерильных поверхностей и электронных устройств, и именно поэтому мысль о ней вызвала неожиданное желание немедленно убедиться, что она всё ещё на месте.

Эва открыла ящик.

Потёртый переплёт лежал там, где она его оставила.

Она осторожно достала книгу, провела ладонью по обложке и устроилась на кровати, подложив под спину подушку. Бумага пахла пылью, старым клеем и чем-то едва уловимым, напоминавшим сухие листья, хотя Эва не могла вспомнить, когда в последний раз держала в руках настоящую листву.

На первой странице обнаружилась небольшая надпись, сделанная выцветшими синими чернилами.

«Чтобы ты всегда знала, куда возвращаться».

Подписи не было.

Эва долго рассматривала неровные буквы, пытаясь определить, принадлежала ли надпись прежнему владельцу книги или появилась значительно позже. Некоторые линии были почти стёрты, а в нижней части страницы виднелось светлое пятно, словно на бумагу когда-то попала вода.

Она осторожно перевернула лист.

Роман начинался с возвращения молодой женщины по имени Аделин в город, который она покинула много лет назад. После продолжительной изоляции в закрытом промышленном секторе героиня получала разрешение вернуться в дом своего детства, но обнаруживала, что улицы изменились, знакомые здания исчезли, а люди, которых она помнила, либо умерли, либо давно перестали говорить о прошлом.

Дом, к которому она стремилась, оказался почти разрушен.

Сад зарос сорняками, фруктовые деревья высохли, а старую деревянную калитку невозможно было открыть, потому что земля поднялась настолько высоко, что нижний край ворот оказался погребён под корнями.

Эва читала медленно, иногда возвращаясь к предыдущим абзацам, поскольку непривычное ощущение свободы мешало сосредоточиться. Впервые за последние дни перед ней находился текст, который не содержал приказов, медицинских заключений или объяснений того, почему она обязана подчиняться чужой воле.

Никто не требовал, чтобы она запоминала прочитанное.

Никто не оценивал правильность её реакции.

Она могла закрыть книгу на любой странице, вернуться к понравившемуся предложению или вовсе перестать читать, и это маленькое право неожиданно показалось ей почти непозволительной роскошью.

Через несколько страниц Аделин обнаружила в старом доме коробку с письмами, написанными её матерью. Письма не содержали ничего необычного: женщина рассказывала о погоде, домашних заботах, соседях и растениях, которые собиралась высадить весной, однако для героини эти простые записи оказались единственным доказательством того, что жизнь, которую она помнила, действительно существовала.

Эва остановилась на абзаце, где Аделин впервые признавалась самой себе, что боится восстановить дом, потому что после завершения работы ей придётся признать: прежние жильцы больше никогда сюда не вернутся.

Она перечитала его несколько раз.

Ей казалось, что между этой женщиной и ею не существует ничего общего, ведь Аделин хотя бы помнила людей, которых потеряла, тогда как Эва не знала даже того, кого должна

оплакивать. И всё же история вызывала болезненное чувство узнавания, словно чужая утрата помогала ей прикоснуться к собственной, пока ещё не имеющей ни имени, ни формы.

Она закрыла книгу, прижала её к груди и неожиданно заплакала.

Слёзы появились без предупреждения, и Эва не сразу поняла, что именно заставило её расплакаться. Возможно, дело было в простой мысли о доме, куда можно вернуться, а возможно, в том, что где-то когда-то существовал человек, способный написать другому человеку несколько слов о цветущем саде, не опасаясь, что письмо будет проверено, исправлено или уничтожено.

Она плакала тихо, стараясь не привлекать внимания системы, однако шейный имплант почти сразу отозвался неприятным теплом.

Эва вытерла лицо рукавом и попыталась успокоиться.

Ей не хотелось снова испытывать боль только потому, что какая-то старая книга напомнила ей о существовании нормальной человеческой жизни.

Утром Марен застала её за чтением.

Женщина вошла с небольшим контейнером медицинских препаратов, но, заметив книгу, остановилась возле двери и некоторое время молча рассматривала потёртую обложку.

– Откуда она у тебя? – спросила Марен, и в её голосе впервые прозвучало неподдельное удивление.

Эва инстинктивно прижала книгу к себе.

– Её оставили здесь после одного из обследований. Я не знаю, кто именно, потому что тогда меня не было в комнате.

Марен поставила контейнер на столик и подошла ближе.

– Можно посмотреть?

Эва поколебалась, но всё-таки протянула книгу, внимательно следя за тем, как женщина берёт её в руки. Марен перевернула обложку, посмотрела на корешок и осторожно открыла первую страницу.

При виде надписи её лицо едва заметно изменилось.

– Вы её знаете? – немедленно спросила Эва.

Марен не ответила сразу.

– Такие книги почти не встречаются в жилых секторах, – произнесла она наконец. – Бумажные издания перестали выпускать много лет назад, а большая часть старых библиотек была переведена в цифровые архивы. Некоторые экземпляры сохранились в частных коллекциях, но их владельцы обычно не торопятся рассказывать об этом.

– Я спрашивала не о бумажных книгах вообще, – заметила Эва, чувствуя, как просыпается подозрение. – Вы узнали именно эту?

Марен закрыла роман.

– Я читала его очень давно, когда была значительно моложе и ещё могла позволить себе думать, что люди способны исправлять собственные ошибки, если дать им достаточно времени.

– И что заставило вас передумать?

Женщина посмотрела на неё поверх очков.

– Работа.

Эва не улыбнулась.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Марен снова взглянула на обложку.

– У этого романа была необычная история. Первоначально его считали совершенно безобидным произведением о женщине, которая восстанавливает старый дом, но позже некоторые специалисты из отдела культурного контроля обратили внимание на то, что читатели слишком часто воспринимают его как рассказ о праве человека сохранять собственную память. После этого книгу убрали из открытого доступа.

– Запретили роман о садоводстве?

– Не о садоводстве, Эва. О том, что прошлое не перестаёт существовать только потому, что кому-то неудобно о нём помнить.

Эва почувствовала, как внутри шевельнулось неприятное предчувствие.

– Значит, тот, кто оставил мне эту книгу, мог знать, что она запрещена?

– Скорее всего.

– Тогда зачем рисковать?

Марен некоторое время смотрела на неё, словно пыталась решить, насколько откровенной может позволить себе быть.

– Иногда люди оставляют другим вещи не потому, что рассчитывают немедленно изменить их положение, а потому, что хотят напомнить: за пределами установленных правил существует что-то ещё.

Эва протянула руку, и Марен вернула ей книгу.

– Вы знаете, кто её принёс?

– Нет, – ответила женщина, но слишком быстро отвела глаза, чтобы этот ответ прозвучал убедительно.

Эва заметила это, однако не стала настаивать.

Она уже начинала понимать, что в комплексе Синдиката некоторые вопросы опасны не только для того, кто их задаёт, но и для человека, которому приходится отвечать.

Марен закончила осмотр, проверила показатели импланта и сообщила, что ближайшие несколько дней Эве разрешено оставаться в жилом крыле, если комиссия не изменит решение. После этого она собрала оборудование и направилась к двери.

– Марен, – окликнула её Эва.

Женщина обернулась.

– Вы помните, чем заканчивается книга?

На лице Марен появилась грустная улыбка.

– Помню. Но думаю, тебе лучше узнать это самостоятельно.

– Хотя бы скажите, у Аделин получилось восстановить сад?

Марен помедлила.

– Не совсем так, как она рассчитывала.

После её ухода Эва долго сидела неподвижно, рассматривая обложку, а затем снова открыла роман и продолжила чтение.

Теперь книга казалась ей значительно более загадочной.

Если Марен говорила правду, кто-то сознательно принёс в её комнату запрещённое издание, прекрасно понимая, что обнаружение подобной вещи может повлечь наказание. Причём этот человек не оставил ни имени, ни объяснений, словно рассчитывал, что Эва сама поймёт смысл подарка.

Она перевернула несколько страниц.

Между листами обнаружилась тонкая полоска бумаги, почти полностью совпадавшая по цвету с пожелтевшими страницами. Эва осторожно вытащила её и увидела несколько слов, написанных мелким, аккуратным почерком.

«Не всё, что забыто, уничтожено».

Она перечитала записку.

Слова странным образом перекликались с предупреждением, появившимся ночью на экране, однако между ними не было очевидной связи, и Эва не знала, стоит ли воспринимать совпадение как доказательство чьего-то вмешательства или как очередную попытку собственного сознания найти закономерность там, где её не существовало.

Она перевернула полоску.

На обратной стороне обнаружились три цифры.

0–7–3.

Эва нахмурилась.

Числа могли обозначать что угодно: страницу, номер сектора, часть архивного кода или даже дату, записанную в незнакомом ей формате. Она несколько раз попыталась сопоставить их с информацией, которую успела узнать о комплексе, но ни одна догадка не показалась достаточно убедительной.

Тогда она раскрыла книгу на семьдесят третьей странице.

Там Аделин находила в подвале старого дома запертую дверь, которую прежде никогда не замечала, хотя прожила здесь всё детство. За дверью находилось небольшое помещение, где её мать хранила семейные документы, фотографии и письма, не предназначенные для посторонних.

Эва прочитала страницу, затем следующую.

Ничего необычного.

Она уже собиралась закрыть роман, когда заметила, что в нижней части семьдесят третьего листа бумага немного толще, чем на остальных страницах.

Эва провела пальцем по краю.

Между двумя слоями бумаги словно находилось что-то тонкое и твёрдое.

Она замерла.

Затем осторожно поднесла книгу к свету и увидела едва различимый прямоугольник, скрытый внутри листа.

Сердце забилось быстрее.

Она не знала, что именно обнаружила, но впервые с момента пробуждения почувствовала, что перед ней находится не очередная загадка, которую ей предстоит терпеливо переживать, а возможность самостоятельно приблизиться к ответу.

Эва оглянулась на дверь.

Потом на потолок.

И судорожно закрыла книгу раздумывая над тем, стоит ли рисковать дальше, и оправдан ли этот риск.

Глава 11

Кейден вернулся в жилое крыло значительно позже обычного.

Эва услышала его шаги ещё до того, как дверь открылась, и успела убрать роман под подушку, хотя почти сразу поняла, насколько бессмысленным было это движение. Если камеры действительно фиксировали каждое её действие, Синдикат давно знал о книге, записке и странном предмете, скрытом внутри страницы.

Кейден вошёл без сопровождения.

Он выглядел уставшим, хотя привычная собранность по-прежнему делала его почти непроницаемым. На форменном кителе виднелось небольшое тёмное пятно возле манжеты, а под глазами залегли едва заметные тени, которые Эва не замечала раньше.

– Медицинский блок сообщил, что твоё состояние стабилизировалось, – произнёс он, остановившись возле стола. – Однако комиссия назначила дополнительное обследование, поэтому завтра утром тебя переведут в диагностический сектор.

Эва почувствовала, как внутри всё сжалось.

– Марен сказала, что мне разрешили несколько дней отдыха.

– Решение изменилось.

– Разумеется. Здесь ведь любое обещание действует ровно до тех пор, пока кому-нибудь не понадобится нарушить его.

Кейден посмотрел на неё.

– Обследование необходимо для уточнения состояния твоей нейронной сети. Специалисты обнаружили отклонения, которые требуют проверки, и откладывать процедуру комиссия не намерена.

– А если я откажусь?

Он медленно выдохнул.

– Ты знаешь ответ.

Эва отвернулась.

Она действительно знала.

И именно поэтому больше не хотела слышать его объяснений.

Кейден подошёл к столу, взял оставленный там медицинский отчёт и несколько секунд изучал показатели, после чего его взгляд неожиданно переместился к кровати. Эва почувствовала, как по спине пробежал холод. Он заметил книгу.

Она была уверена в этом, хотя роман оставался скрытым под подушкой.

– Тебе предоставили какие-нибудь личные вещи? – спросил Кейден, не меняя выражения лица.

Эва заставила себя посмотреть на него.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что в медицинском отчёте указано наличие постороннего предмета в жилом помещении, однако его происхождение не установлено.

– И теперь ты собираешься его конфисковать?

Кейден некоторое время молчал.

– Я спросил, что именно тебе предоставили.

Эва почувствовала, как пальцы сами собой сжимаются на краю одеяла.

– Книгу. Обычный старый роман, который кто-то оставил после обследования. Если чтение тоже запрещено, можешь сразу сообщить, какое наказание предусмотрено за попытку занять себя чем-нибудь, кроме ожидания очередного приказа.

Кейден не ответил.

Он подошёл к кровати, и Эва невольно напряглась, ожидая, что он потребует показать книгу, однако мужчина остановился на некотором расстоянии и протянул руку.

– Дай мне её.

Она несколько секунд смотрела на его ладонь.

– Зачем?

– Я должен убедиться, что предмет не представляет угрозы безопасности.

– Ты всерьёз считаешь, что я собираюсь убить кого-нибудь старым романом?

– Эва, не заставляй меня повторять распоряжение.

Она медленно вытащила книгу из-под подушки и протянула ему, чувствуя, как вместе с ней отдаёт единственную вещь, которая за последние дни сумела вызвать у неё не только страх и отчаяние.

Кейден взял роман. При виде обложки его пальцы едва заметно напряглись. Эва заметила это сразу.

Он открыл первую страницу, посмотрел на выцветшую надпись и на мгновение застыл, словно увидел нечто, чего совершенно не ожидал обнаружить.

– Кто оставил тебе эту книгу? – спросил он.

– Я уже сказала, что не знаю. Когда вернулась после обследования, она лежала на столе.

Кейден перевернул несколько страниц.

– Ты читала её?

– Да.

– Всю?

– Пока нет. Если тебе так интересно, могу пересказать содержание, хотя подозреваю, что тебя больше волнует, кто позволил мне читать без специального разрешения.

Он закрыл роман.

Эва внимательно следила за его лицом, пытаясь понять, что именно вызвало столь необычную реакцию, однако Кейден уже восстановил привычное выражение холодной сосредоточенности.

– Эта книга останется у тебя, – произнёс он наконец. – Но я хочу, чтобы ты больше никому её не показывала.

Эва растерялась.

– Почему?

– Потому что некоторые сотрудники комплекса слишком усердно исполняют инструкции, касающиеся запрещённых материалов, и я не намерен тратить время на разбирательства из-за старого литературного произведения.

Он протянул ей книгу.

Эва взяла её, но не сразу убрала руку.

– Ты её знаешь?

Кейден посмотрел ей прямо в глаза.

– Знаю достаточно, чтобы посоветовать тебе беречь её.

Она почувствовала, как сердце пропустило удар.

– Почему?

Но он уже отвернулся к двери.

– Завтра тебя разбудят в шесть. Постарайся выспаться, поскольку обследование может занять несколько часов.

– Кейден, – окликнула она, неожиданно для самой себя повысив голос. – Почему ты не хочешь отвечать? Что такого особенного в этой книге?

Он остановился.

Несколько секунд стоял неподвижно, затем медленно повернул голову.

– Иногда вещи оказываются опасными не из-за того, что в них написано, Эва, а из-за того, кому они когда-то принадлежали.

После этих слов он вышел.

Эва ещё долго сидела с книгой в руках, пытаясь осмыслить услышанное.

Кейден не забрал роман!

Более того, он фактически предупредил её о необходимости скрывать его от посторонних, хотя сам представлял систему, которая запрещала подобные вещи.

Это могло означать что угодно.

Возможно, он просто не хотел заниматься мелким нарушением режима, а возможно, книга действительно имела какое-то отношение к людям, которых Синдикат предпочитал не вспоминать.

Однако реакция Кейдена на первую страницу не давала ей покоя.

Эва открыла роман и снова посмотрела на надпись.

«Чтобы ты всегда знала, куда возвращаться».

Она провела пальцем по буквам.

Почерк был неровным, словно человек писал торопливо или находился в неудобном положении, но в самих словах ощущалась такая простая, почти болезненная нежность, что Эва невольно представила женщину, получившую книгу от близкого человека.

Может быть, от мужа.

Может быть, от матери.

А может быть, от кого-то, кого она любила настолько сильно, что даже спустя годы продолжала хранить старый роман как единственное напоминание о прошлом.

Эва перевернула страницу.

Затем ещё одну.

Она добралась до семьдесят третьей, осторожно провела ногтем по нижнему краю и почувствовала тонкую щель между слоями бумаги.

На этот раз она не стала откладывать.

Эва взяла металлическую застёжку от медицинского браслета, которую Марен оставила на столе после замены крепления, и аккуратно поддела край страницы. Бумага сопротивлялась, но через несколько секунд тонкий слой отделился, открывая небольшую полость.

Внутри находилась прозрачная пластинка размером с ноготь.

Эва осторожно извлекла её и поднесла к свету.

На поверхности не было никаких обозначений, однако внутри виднелись тончайшие металлические дорожки, расположенные настолько плотно, что невооружённым глазом их можно было принять за едва заметный узор.

Она сразу поняла, что держит в руках не обычную закладку.

Это был носитель данных.

Причём изготовленный по технологии, которую она не могла вспомнить, но почему-то узнала почти мгновенно.

Эва почувствовала, как пальцы начинают дрожать.

Она не знала, каким образом можно прочитать информацию, скрытую внутри пластинки, и не представляла, зачем кто-то спрятал её в старом романе, однако в памяти внезапно всплыло движение, увиденное во время ночного видения.

Женские пальцы. Металлическая поверхность. Тонкая линия света. Эва медленно повернула пластинку между большим и указательным пальцами. И вдруг поняла, что делает это точно так же, как женщина из видения. В тот же момент шейный имплант болезненно нагрелся.

Она вскрикнула, выронила пластинку и схватилась за шею, чувствуя, как по позвоночнику распространяется неприятная волна электрического напряжения.

На стенном экране вспыхнуло предупреждение.

ОБНАРУЖЕН НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ НОСИТЕЛЬ.

ПОПЫТКА СИНХРОНИЗАЦИИ.

Эва замерла.

Пластинка лежала на одеяле, совершенно неподвижная, однако тонкие металлические дорожки внутри неё начали едва заметно светиться.

Экран мигнул.

Затем появилась новая строка.

ПОДКЛЮЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО.

ПРОВЕРКА БИОМЕТРИЧЕСКОГО КЛЮЧА.

Эва смотрела на сообщение, не в силах пошевелиться.

Через несколько секунд система вывела результат.

ВЛАДЕЛЕЦ ПОДТВЕРЖДЁН.

ДОСТУП РАЗРЕШЁН.

И последняя строка заставила её забыть о боли.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ОБРАТНО, ЭВА.

Глава 12.

Эва смотрела на светящиеся буквы, не решаясь ни пошевелиться, ни отвести взгляд, поскольку боялась, что стоит ей моргнуть, и надпись исчезнет, оставив после себя очередную загадку, которую невозможно ни проверить, ни объяснить. Прозрачная пластинка лежала на одеяле возле её колена, едва заметно мерцая изнутри, а шейный имплант продолжал нагреваться, хотя резкая боль уже отступила и теперь напоминала неприятное покалывание под кожей.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ОБРАТНО, ЭВА.

Она перечитала сообщение несколько раз, пытаясь понять, почему неизвестная система обращается к ней так, словно ожидала возвращения человека, который отсутствовал достаточно долго, чтобы его появление стало событием. В этих четырёх словах заключалось нечто гораздо более пугающее, чем обычное подтверждение личности, ведь для того, чтобы поприветствовать её подобным образом, кто-то должен был заранее знать, что однажды она окажется здесь, потеряв воспоминания, и сумеет найти устройство, спрятанное между страницами старой книги.

Впрочем, последнее предположение Эва почти сразу заставила себя отбросить. Она не знала, предназначался ли носитель именно ей, кто оставил роман в комнате и каким образом устройство оказалось внутри страницы, поэтому любые выводы о намерениях неизвестного человека были бы преждевременными. Но одно обстоятельство отрицать уже не получалось: пластинка распознала её, а значит, между ней и устройством существовала связь, о которой никто из сотрудников Синдиката не счёл нужным рассказать.

На экране появилась новая строка.

БИОМЕТРИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА.

ВНЕШНИЙ КАНАЛ: ОТСУТСТВУЕТ.

АВТОНОМНЫЙ РЕЖИМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ: ДОСТУПЕН.

Эва нахмурилась, стараясь разобраться в значении увиденного. Терминология казалась знакомой, хотя она не могла объяснить, откуда знает разницу между внешним каналом и автономным режимом, а последняя строка вызвала почти болезненное ощущение узнавания, словно подобные сообщения когда-то составляли привычную часть её повседневной жизни.

Она осторожно протянула руку к пластинке, но остановилась, когда на экране возникло предупреждение.

ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ВЛАДЕЛЬЦА.

Ниже появилось пустое поле, обрамлённое тонкой белой линией.

Эва невольно посмотрела на дверь, за которой находился коридор личного крыла Кейдена, затем подняла глаза к потолку, где располагались камеры наблюдения. Она не представляла, насколько глубоко устройство вмешалось в систему помещения и успело ли отправить сигнал службе безопасности, но понимала, что каждое дополнительное мгновение увеличивает вероятность появления охраны.

Если камеры фиксировали всё происходящее, её уже могли заметить. Однако система не подавала тревоги, а экран продолжал ожидать подтверждения, поэтому Эва решила, что у неё ещё есть немного времени.

Она коснулась пустого поля.

Ничего не произошло.

Попыталась провести пальцем по поверхности, затем нажала на белую линию, но терминал оставался неподвижным, словно ожидал совершенно иного действия.

– Подтверждение чего? – раздражённо прошептала она, чувствуя, как страх постепенно уступает место досаде. – Если ты знаешь, кто я такая, почему не можешь просто показать мне информацию?

Ответа, разумеется, не последовало.

Эва осторожно подняла пластинку и поднесла её ближе к глазам. Тончайшие металлические дорожки образовывали сложный рисунок, напоминавший ветви дерева, причём центральная линия разделялась на несколько более мелких, которые затем снова соединялись между собой. Она провела ногтем вдоль одной из дорожек и неожиданно поняла, что рисунок вовсе не хаотичен.

Он представлял собой схему.

Причём не обычную электрическую схему, а изображение нейронной структуры, где каждая ветвь соответствовала определённой группе связей.

От этого открытия у неё перехватило дыхание.

Эва не просто узнала принцип устройства. Ей вдруг стало совершенно очевидно, что одна из линий расположена неправильно, поскольку при таком соединении сигнал должен был терять устойчивость и возвращаться к исходному узлу, не достигая конечной точки.

Она осторожно повернула пластинку.

На обратной стороне обнаружилась едва различимая выемка.

Эва коснулась её большим пальцем.

В голове словно что-то щёлкнуло.

Перед глазами возникла короткая вспышка: ярко освещённая лаборатория, чья-то рука возле металлического стола, тонкая пластинка, удерживаемая пинцетом, и женский голос, произносивший с раздражённой уверенностью:

«Нет, если замкнуть контур здесь, система примет внешний запрос за собственный сигнал. Нам нужно разделить их до первичной синхронизации».

Эва резко отдёрнула руку.

Видение исчезло, оставив после себя мучительное ощущение, будто она только что услышала собственный голос, хотя не могла быть уверена, что это действительно так.

Она несколько секунд сидела неподвижно, стараясь восстановить услышанное, затем снова посмотрела на пластинку.

Теперь её пальцы двигались почти самостоятельно.

Эва развернула устройство так, чтобы центральная дорожка оказалась направлена вверх, прижала большой палец к выемке и осторожно коснулась указательным края.

Экран мгновенно отозвался.

РУЧНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРИНЯТО.

ЛОКАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: ЧАСТИЧНО ДОСТУПНА.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВОГО СЕКТОРА.

Она не успела обрадоваться, поскольку почти сразу почувствовала резкую боль у основания черепа, словно кто-то попытался протянуть сквозь её голову раскалённую проволоку. Эва вскрикнула, прижала ладонь к затылку и согнулась, стараясь не выронить пластинку, но боль продолжала усиливаться, сопровождаясь неприятным звоном в ушах.

На экране появилась красная надпись.

КОНФЛИКТ НЕЙРОННЫХ ПРОТОКОЛОВ.

ОБНАРУЖЕН АКТИВНЫЙ БЛОКИРУЮЩИЙ МЕХАНИЗМ.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ.

Эва с трудом подняла голову.

Она не понимала, почему система предупреждает об опасности, но не прекращает процесс самостоятельно, и уже собиралась отложить пластинку, когда перед глазами возникло ещё одно изображение.

На этот раз она увидела женщину, стоявшую возле большого окна. Та была повёрнута спиной, её тёмные волосы были собраны в небрежный узел, а на плечах висел светлый лабораторный халат, испачканный чем-то похожим на чернила.

Рядом находился мужчина.

Его лица Эва не увидела, поскольку изображение оставалось размытым, однако успела заметить высокую фигуру и руку, лежавшую на спинке кресла.

– Ты понимаешь, что произойдёт, если они получат доступ к исходному контуру? – спросил мужчина.

Женщина не обернулась.

– Понимаю. Именно поэтому я не собираюсь оставлять им возможность воспользоваться им без меня.

– Ты говоришь так, будто уверена, что сможешь контролировать ситуацию даже после того, как они узнают о прототипе.

– Я не уверена ни в чём, – ответила женщина, и Эва почувствовала странное болезненное узнавание, услышав её голос. – Но если мы уничтожим всё сейчас, то лишим себя единственного шанса исправить то, что уже сделали.

Изображение оборвалось.

Эва судорожно вдохнула и обнаружила, что сидит на кровати, вцепившись пальцами в одеяло, а пластинка лежит возле её колена совершенно неподвижно.

Экран снова светился обычным белым светом.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО.

ПЕРВЫЙ СЕКТОР: 3 %.

ПОВТОРНАЯ ПОПЫТКА ДОСТУПНА ПОСЛЕ СТАБИЛИЗАЦИИ.

Она долго смотрела на цифру, чувствуя, как по спине медленно стекает холодный пот.

Три процента.

Всего три процента неизвестного архива оказались способны вызвать воспоминание, в котором женщина говорила её голосом и рассуждала о технологии, принцип действия которой Эва почему-то понимала лучше, чем устройство собственного медицинского браслета.

Ей хотелось немедленно продолжить, но боль в затылке всё ещё не отпускала, а шейный имплант периодически отзывался неприятным покалыванием, предупреждая о возможном повторном срабатывании.

Эва осторожно взяла пластинку, вложила её обратно между слоями семьдесят третьей страницы и пригладила повреждённый край бумаги.

Затем закрыла книгу.

Теперь она уже не сомневалась, что роман попал к ней не случайно.

Кто-то спрятал внутри него устройство, которое распознавало её биометрические данные, содержало фрагменты закрытого архива и было способно обращаться к памяти, официально объявленной уничтоженной.

И этот человек прекрасно знал, что однажды Эва сумеет воспользоваться находкой.

До самого утра она так и не уснула.

Боль постепенно ослабла, однако мысли продолжали возвращаться к увиденному, и Эва несколько раз доставала книгу из-под подушки, чтобы убедиться, что пластинка действительно находится внутри. Она не решалась повторять попытку подключения, но само присутствие носителя действовало на неё странным образом: теперь, когда у неё появилось хотя бы одно доказательство существования собственного прошлого, стерильная комната казалась уже не абсолютной тюрьмой, а временным препятствием, за пределами которого находилось нечто гораздо более важное.

В шесть часов освещение изменилось, вентиляция перешла на дневной режим, а возле двери появилась привычная строка с расписанием.

ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ: 07:30.

СОПРОВОЖДЕНИЕ: ВНУТРЕННЯЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ.

Эва почувствовала, как в груди неприятно сжалось.

Она вспомнила слова Марен о расширенном исследовании нейронной сети и поняла, что теперь специалисты Синдиката могут обнаружить не только особенности её повреждённого импланта, но и следы ночного подключения.

Если они узнают о пластинке, книгу наверняка заберут.

А вместе с ней исчезнет единственная возможность восстановить собственные воспоминания без разрешения людей, которые когда-то решили их уничтожить.

Эва поднялась с кровати и подошла к умывальнику, стараясь не обращать внимания на неприятную слабость в ногах. Холодная вода помогла немного прийти в себя, однако отражение в зеркальной панели заставило её задержаться дольше обычного.

Она смотрела на женщину с усталым лицом, потемневшими от бессонницы глазами и растрёпанными волосами, пытаясь представить, какой была до пробуждения в белой комнате. Возможно, она любила смеяться, носила яркую одежду, спорила с коллегами и возвращалась вечером домой, где её ждал кто-то близкий. Возможно, была замкнутой, раздражительной и настолько поглощённой работой, что забывала поесть, пока кто-нибудь не напоминал ей об этом.

Ни одна из этих догадок не имела под собой оснований, однако после ночного видения Эва впервые позволила себе представить не абстрактную женщину из прошлого, а человека, который обладал знаниями, принимал решения и, судя по услышанному разговору, мог быть причастен к созданию технологии, используемой Синдикатом.

Эта мысль оказалась неприятнее, чем она ожидала.

До сих пор ей было относительно легко воспринимать себя исключительно жертвой чужих решений, поскольку все известные ей обстоятельства подтверждали именно такую картину. Но если женщина из воспоминания действительно была ею, возникал вопрос, на который Эва совершенно не хотела отвечать.

Что, если она сама участвовала в создании системы, которая теперь превратила её жизнь в кошмар?

Она медленно опустила голову.

– Даже если это правда, – прошептала Эва своему отражению, – я должна узнать, что произошло.

Однако прежде ей следовало решить куда более насущную проблему.

Книгу необходимо было спрятать.

Эва вернулась к кровати и внимательно осмотрела комнату, пытаясь определить место, которое не привлекло бы внимания медицинского персонала или сотрудников охраны. Пространство было организовано с пугающей продуманностью: гладкие стены, встроенные шкафы, неподвижные панели освещения и мебель без лишних деталей практически не оставляли возможности скрыть даже небольшой предмет.

Она открыла прикроватный столик.

Внутри находились несколько сложенных полотенец, запасная одежда и пустая пластиковая ёмкость, предназначенная для личных принадлежностей. Положить книгу под полотенца было бы слишком просто, поскольку любой сотрудник, решивший проверить содержимое ящика, обнаружил бы её практически сразу.

Эва закрыла столик и присела возле кровати.

Под основанием находилась узкая металлическая панель, за которой проходили кабели системы регулировки положения матраса. Она заметила её ещё вчера, когда случайно уронила стакан и попыталась достать его из-под кровати, однако тогда не придала значения небольшому зазору между панелью и полом.

Теперь этот зазор показался ей достаточно широким.

Она осторожно провела пальцами вдоль нижнего края и обнаружила, что панель закреплена не винтами, а двумя защёлками, которые можно было отжать без специального инструмента.

Эва замерла.

Она не знала, почему сразу поняла устройство крепления, но не стала тратить время на размышления. Осторожно надавив на одну из защёлок, она почувствовала слабое сопротивление, затем услышала тихий щелчок.

Панель слегка отошла.

Она повторила движение с другой стороны.

Внутри обнаружилось узкое пространство между кабельным каналом и внутренней опорой кровати, достаточно глубокое, чтобы туда поместилась книга, если положить её горизонтально.

Эва быстро вернулась к столику, достала роман и ещё раз проверила, что пластинка надёжно спрятана внутри страницы. Затем осторожно обернула книгу тонким полотенцем, стараясь не повредить переплёт, и поместила свёрток в образовавшуюся нишу.

Панель встала на место почти бесшумно.

Она несколько раз провела ладонью по нижнему краю, убеждаясь, что защёлки закрепились, после чего отодвинулась и внимательно осмотрела кровать со стороны.

Ничего необычного.

Разумеется, тайник не мог защитить книгу от тщательного обыска, но случайный осмотр помещения вряд ли позволил бы обнаружить её сразу.

Эва поднялась.

Теперь оставалось надеяться, что камеры не зафиксировали её действия или что сотрудники, наблюдавшие за ней, не придали им значения.

Она прекрасно понимала, насколько ненадёжной была эта надежда, однако другого выбора у неё не имелось.

Дверь открылась через несколько минут.

На пороге стоял Рейнар.

Он был одет в тёмную форму внутренней службы безопасности, однако сегодня вместо привычного лёгкого выражения лица выглядел необычно сосредоточенным. На его правом виске серебристая пластина нейроинтерфейса едва заметно светилась, а в руке он держал тонкий планшет с открытым распоряжением.

– Доброе утро, семь-четыре-девять, – произнёс он, окинув комнату быстрым взглядом. – Надеюсь, ты хотя бы немного поспала, поскольку сегодня у нас запланирована довольно продолжительная прогулка по самым неприятным отделениям этого замечательного учреждения.

Эва невольно нахмурилась.

– Если вы рассчитываете, что подобное описание заставит меня радоваться предстоящему обследованию, то вынуждена вас разочаровать.

– Я и не рассчитывал. Просто предпочитаю предупреждать людей заранее, когда собираюсь сопровождать их туда, откуда они обычно возвращаются в значительно худшем настроении.

Он произнёс это с такой будничной серьёзностью, что Эва не сразу поняла, пытается ли он пошутить.

– Вы всегда настолько оптимистичны?

– Только по утрам, когда ещё не успел получить от начальства достаточно распоряжений, чтобы окончательно разочароваться в человечестве.

Эва посмотрела на него внимательнее.

В отличие от большинства сотрудников комплекса, Рейнар не пытался демонстрировать власть при каждом удобном случае, но и не позволял забыть, что носит форму человека, которому доверено сопровождать заключённых. Его ирония могла быть проявлением характера, способом расположить её к себе или тщательно рассчитанной маской, скрывающей истинные намерения.

Она пока не знала, какой вариант наиболее вероятен.

– Мне нужно что-нибудь брать с собой? – спросила Эва, стараясь придать вопросу безразличный тон.

Рейнар взглянул на планшет.

– Нет. Всё необходимое предоставят в диагностическом секторе. Если возникнут дополнительные требования, медицинский персонал сообщит об этом на месте.

Она кивнула.

– Тогда можем идти.

Он несколько секунд смотрел на неё, словно ожидал дополнительных возражений, после чего отступил в сторону, пропуская к двери.

Эва направилась к выходу, стараясь не оглядываться на кровать.

Каждый шаг давался ей с неприятным усилием, поскольку мысли продолжали возвращаться к книге, спрятанной за металлической панелью. Она понимала, что оставлять носитель в комнате рискованно, но брать его с собой в медицинский сектор было бы ещё опаснее, особенно учитывая предстоящее исследование нейронной сети.

Если сотрудники обнаружат устройство во время обследования, она не сможет объяснить его происхождение, не выдав тайну.

А если книга останется в комнате, у неё хотя бы появится возможность вернуться к ней позже.

Диагностический сектор располагался на несколько уровней ниже жилого крыла.

Эва никогда прежде не спускалась так глубоко в комплекс, поэтому с тревожным любопытством рассматривала окружающее пространство, пока Рейнар вёл её по длинным коридорам, разделённым герметичными дверями. Здесь было значительно холоднее, чем наверху, а привычный запах антисептика смешивался с металлическим привкусом озона, который появлялся после работы высоковольтного оборудования.

За прозрачными перегородками виднелись лаборатории, где сотрудники в светлых защитных костюмах работали возле сложных установок. Некоторые помещения напоминали обычные медицинские кабинеты, однако в других находились массивные кресла с фиксирующими креплениями, прозрачные капсулы и устройства, назначение которых Эва не могла определить, хотя отдельные элементы казались ей странно знакомыми.

Она задержала взгляд на одном из таких аппаратов.

За стеклом стояла высокая металлическая конструкция, вокруг которой располагались кольцевые излучатели, а в центральной части находилась платформа с несколькими подвижными опорами.

Эва почувствовала, как в затылке снова возникает неприятное давление.

Она не знала, почему устройство вызывает столь сильную реакцию, но неожиданно поняла, что его конструкция несовершенна: расположение верхнего излучателя должно было создавать помехи при работе с определёнными нейронными частотами.

Мысль появилась сама собой.

Эва замедлила шаг.

– Что это за аппарат? – спросила она.

Рейнар проследил за её взглядом.

– Система глубокой нейронной реконструкции. Используется для восстановления повреждённых участков памяти, проверки имплантов и некоторых видов коррекции поведения.

– Коррекции поведения?

Он посмотрел на неё.

– Так называется процедура в официальных документах. Если хочешь знать, как её называют люди, которые через неё прошли, боюсь, тебе не понравится ответ.

Эва снова взглянула на аппарат.

– Верхний излучатель расположен неправильно.

Рейнар остановился.

– Что?

Она сама удивилась собственным словам.

– Если он работает одновременно с нижним контуром, возникает обратная интерференция, которая должна искажать сигнал. Я не знаю, почему это понимаю, но конструкция выглядит так, словно её собирали по схеме, не учитывающей особенности человеческой нейронной сети.

Несколько секунд Рейнар молчал.

Затем медленно повернулся к ней.

– Ты уверена?

Эва почувствовала, как по спине пробежал холод.

Она слишком поздно поняла, что произнесла.

– Нет, – поспешно ответила она. – Просто предположила. Возможно, я ошибаюсь.

Рейнар продолжал смотреть на неё, и его лицо впервые за всё время знакомства стало совершенно серьёзным.

– Эва, откуда ты знаешь слово «интерференция» применительно к нейронным контурам?

Она отвела взгляд.

– Оттуда же, откуда знаю остальные слова, которыми пользуюсь. Я потеряла воспоминания, а не способность разговаривать.

– Способность разговаривать не объясняет понимания конструкции оборудования, к которому у большинства сотрудников комплекса вообще нет допуска.

Эва почувствовала, как пальцы непроизвольно сжимаются.

– Тогда можете сообщить об этом специалистам. Они наверняка будут счастливы получить ещё один повод покопаться у меня в голове.

Рейнар некоторое время молчал, затем неожиданно усмехнулся.

– Не сомневаюсь. Однако пока я предпочёл бы оставить твои технические замечания между нами, поскольку не люблю превращать обычные прогулки в дополнительные служебные расследования.

Он снова двинулся вперёд.

Эва последовала за ним, чувствуя, как сердце постепенно возвращается к привычному ритму.

Она не знала, почему Рейнар не стал немедленно сообщать о её словах, но понимала, что теперь он подозревает гораздо больше, чем показывает.

В зоне ожидания их встретила Лиан.

Молодая сотрудница медицинского блока стояла возле стойки регистрации, держа в руках планшет, и выглядела так, словно утро уже успело окончательно испортить ей настроение. Её тёмные волосы были аккуратно собраны, на форменном халате не виднелось ни единой складки, а выражение лица оставалось подчёркнуто деловым.

– Объект семь-четыре-девять доставлен с опозданием на четыре минуты, – сообщила она, едва взглянув на Эву. – Согласно распоряжению, сопровождение должно было завершиться к семи тридцати.

Рейнар посмотрел на настенные часы.

– Насколько я вижу, сейчас семь тридцать четыре. Поздравляю, Лиан, твоя способность определять время по-прежнему превосходит возможности большинства сотрудников внутренней службы.

Она подняла глаза.

– Если ты намерен превращать каждое служебное взаимодействие в представление, я могу оформить замечание о нарушении дисциплины.

– Можешь, но тогда придётся объяснить, почему ты потратила больше времени на составление замечания, чем я на опоздание.

Эва невольно перевела взгляд с одного на другого.

В голосе Рейнара звучала привычная насмешливость, однако Лиан реагировала на неё слишком резко, словно подобные разговоры происходили между ними не впервые и каждый раз заканчивались одинаково.

– Мне необходимо зарегистрировать объект, – произнесла она, демонстративно обращаясь к планшету. – После этого сопровождение может быть свободно.

– Как жаль, – отозвался Рейнар. – А я уже начал надеяться, что мы проведём вместе ещё несколько незабываемых минут.

Лиан посмотрела на него с таким выражением, что Эва едва удержалась от улыбки.

– Ты совершенно невыносим.

– Знаю. Именно поэтому руководство продолжает поручать мне задания, которые требуют особого терпения.

Он повернулся к Эве.

– Постарайся не вступать в конфликт с медицинским персоналом, пока меня не будет. Некоторые сотрудники слишком серьёзно относятся к собственным обязанностям и способны испортить настроение даже человеку, который пришёл сюда добровольно.

Лиан резко закрыла планшет.

– Рейнар, если ты закончил, можешь возвращаться к своим обязанностям.

Он слегка склонил голову, после чего направился к выходу.

Эва проводила его взглядом, затем посмотрела на Лиан, которая уже открывала новую форму регистрации.

– Вы давно знакомы? – спросила она, прежде чем успела подумать, насколько неуместным может оказаться вопрос.

Лиан подняла глаза.

– Это не имеет отношения к твоему обследованию.

– Я и не утверждала обратного. Просто он разговаривает с вами так, словно прекрасно знает, какие слова заставят вас разозлиться.

На лице Лиан появилось выражение неподдельного раздражения.

– Рейнар разговаривает подобным образом со всеми, кто по несчастью вынужден находиться с ним в одном помещении. И если ты рассчитываешь, что его дружелюбие означает какое-то особое отношение к тебе, советую не строить иллюзий.

Эва внимательно посмотрела на неё.

– Я не говорила о дружелюбии.

Лиан на мгновение замолчала.

Затем резко отвернулась к терминалу.

– Проходи в диагностический блок. Доктор Вейл уже ожидает тебя.

Внутри находилось кресло, окружённое несколькими кольцевыми излучателями, и Эва сразу узнала конструкцию, которую заметила через стекло по дороге в диагностический сектор. Здесь оборудование выглядело ещё более угрожающим, поскольку массивные металлические опоры располагались непосредственно возле подголовника, а на подлокотниках виднелись широкие фиксирующие ремни.

Возле терминала стоял незнакомый мужчина в белом халате.

Он был высоким, худощавым, с аккуратно уложенными тёмными волосами, в которых уже появлялась седина, и необычайно спокойным выражением лица. На вид ему было около сорока лет, хотя усталые глаза делали его старше, а движения отличались неторопливой уверенностью человека, привыкшего работать с оборудованием, ошибки которого могут стоить человеческой жизни.

– Объект семь-четыре-девять, – произнёс он, внимательно рассматривая Эву. – Наконец-то мы познакомимся лично. Меня зовут доктор Адриан Вейл, я возглавляю отдел нейронной реконструкции и сегодня буду отвечать за исследование твоей памяти.

Эва остановилась возле двери.

– Вы собираетесь её восстановить?

Адриан слегка улыбнулся.

– Если бы всё было настолько просто, мы могли бы обойтись без столь дорогостоящего оборудования. Для начала мне необходимо определить, какие участки памяти действительно повреждены, а какие лишь недоступны из-за блокирующих механизмов. После этого станет понятно, существует ли возможность восстановления без необратимых последствий.

– А если такие последствия возможны?

Он посмотрел на неё с неожиданным интересом.

– Тогда нам придётся решить, насколько полученные данные оправдывают риск.

Эва почувствовала, как внутри поднимается знакомое возмущение.

– Нам?

Адриан не сразу понял, что именно вызвало её реакцию.

– Комиссии, разумеется. Окончательное решение принимается коллегиально, поскольку твой случай представляет значительный научный интерес.

– А моё мнение, насколько я понимаю, в состав комиссии не входит?

Он несколько секунд смотрел на неё, после чего улыбка исчезла.

– Ты удивительно последовательно задаёшь вопросы, которые большинство объектов предпочитает не произносить вслух. Это любопытно, учитывая степень повреждения твоей нейронной сети.

Эва почувствовала, как пальцы непроизвольно сжимаются.

– Возможно, для того чтобы понимать, когда с тобой обращаются как с вещью, не требуется особенно хорошая память.

Адриан слегка наклонил голову.

– Справедливое замечание. Однако я бы предпочёл, чтобы ты не воспринимала меня как противника, поскольку наши интересы могут оказаться значительно ближе, чем тебе кажется.

– Тогда начните с того, что объясните, зачем нужны ремни на кресле.

Он проследил за её взглядом.

– Во время нейронной стимуляции возможны непроизвольные мышечные сокращения, поэтому фиксация необходима для предотвращения травм. Я понимаю, что после предыдущих процедур подобные меры вызывают у тебя неприятные ассоциации, но в данном случае речь идёт исключительно о безопасности.

Эва посмотрела на кресло.

Она не верила ему.

И всё же понимала, что сопротивление лишь приведёт к появлению охраны, после чего её всё равно заставят пройти обследование, но уже без возможности задавать вопросы.

– Сколько это продлится?

– Первичная диагностика займёт около сорока минут, если не возникнет осложнений. После неё я смогу сообщить тебе предварительные результаты, хотя часть информации останется закрытой до рассмотрения комиссией.

Эва медленно подошла к креслу.

Когда она села, Адриан лично проверил положение подголовника и убедился, что металлические крепления не давят на шею. Лиан закрепила ремни на запястьях, стараясь действовать быстро и без лишних прикосновений, после чего отошла к терминалу.

Эва закрыла глаза.

Она старалась не думать о пластинке, спрятанной в книге, но именно эта мысль возвращалась снова и снова, поскольку теперь любая попытка исследовать её память могла обнаружить следы ночного подключения.

– Начинаем с минимальной интенсивности, – произнёс Адриан. – Если почувствуешь боль, головокружение или сильное эмоциональное напряжение, сообщи немедленно. Я не заинтересован в том, чтобы причинять тебе ненужные страдания.

Эва открыла глаза.

– А нужные?

Он посмотрел на неё поверх терминала.

– Иногда медицинские процедуры оказываются неприятными независимо от намерений врача.

– Вы удивительно хорошо умеете подбирать слова, доктор Вейл.

Адриан едва заметно улыбнулся.

– Профессиональная привычка.

Кольцевые излучатели начали медленно вращаться.

Эва почувствовала лёгкое покалывание в висках, затем неприятную тяжесть за глазами, словно кто-то пытался осторожно раздвинуть невидимые перегородки внутри её головы. На экране перед Адрианом появились сложные графики, которые она не могла рассмотреть со своего места, однако по изменившемуся выражению его лица поняла, что результаты отличаются от ожидаемых.

– Любопытно, – пробормотал он, увеличивая один из участков изображения. – Очень любопытно.

Лиан подошла ближе.

– Что-то не так?

– Напротив. Мы обнаружили значительно более интересную структуру, чем предполагали.

Эва почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод.

– Что именно?

Адриан не ответил сразу.

Он изменил параметры сканирования, после чего изображение на центральном экране стало более подробным.

– Твоя память не уничтожена полностью, Эва. Значительная часть нейронных связей сохранилась, однако доступ к ним ограничен механизмом, который не соответствует ни одному из стандартных протоколов Синдиката.

Она замерла.

– Значит, кто-то действительно её заблокировал?

– Да. Причём сделал это настолько искусно, что обычная диагностика должна была принять блокировку за необратимое повреждение.

Эва почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

– Вы можете её снять?

Адриан медленно повернулся к ней.

– Теоретически да. Но сначала мне необходимо понять, кто создал этот механизм и почему он использовал архитектуру, которую мы считали утраченной.

Он снова посмотрел на экран.

– Здесь есть ещё кое-что.

Лиан наклонилась ближе.

– Что?

Адриан увеличил изображение одного из участков.

– В блокирующем контуре присутствует дополнительный слой, который не препятствует восстановлению памяти напрямую, но реагирует на определённые внешние сигналы. Если я правильно понимаю его назначение, он должен активироваться при попытке несанкционированного доступа.

Эва почувствовала, как кровь отливает от лица.

– И что произойдёт после активации?

Адриан некоторое время молчал.

Затем медленно выпрямился.

– Это зависит от того, кто именно пытается получить доступ.

Он коснулся панели управления.

На экране появилась новая схема, состоявшая из нескольких вложенных контуров, и Эва внезапно узнала рисунок, который видела на прозрачной пластинке.

Те же ветвящиеся линии.

Тот же центральный узел.

Та же необычная структура соединений.

Она резко вдохнула.

Адриан заметил её реакцию.

– Ты что-то вспомнила?

Эва заставила себя покачать головой.

– Нет. Просто мне стало плохо.

Он внимательно посмотрел на неё, затем снизил интенсивность излучателей.

– Мы почти закончили. Постарайся сохранять спокойствие.

Она закрыла глаза, стараясь не выдать охватившего её ужаса.я

Теперь Эва понимала, что пластинка и блокировка памяти созданы по одному принципу.

А значит, человек, спрятавший устройство в книге, не просто знал о существовании её воспоминаний.

Он знал, как получить к ним доступ.

Когда обследование закончилось, Эва чувствовала себя так, словно несколько часов провела без сна, пытаясь удержать в голове слишком много противоречивой информации. Адриан снял фиксирующие ремни, помог ей подняться и сообщил, что окончательные результаты будут готовы после дополнительного анализа, однако по выражению его лица она поняла, что обнаруженное заинтересовало его гораздо сильнее, чем он готов признать.

– Я хотел бы задать тебе один вопрос, Эва, – произнёс он, когда Лиан вышла за медицинским контейнером. – Неофициальный, если это слово вообще имеет какое-то значение в нашем учреждении.

Она насторожилась.

– Спрашивайте.

Адриан некоторое время рассматривал её лицо.

– Когда ты проснулась после стирания памяти, у тебя возникало ощущение, что некоторые вещи знакомы тебе без всякой видимой причины? Не конкретные воспоминания, а навыки, привычки, способы мышления, которые ты не могла объяснить собственным опытом?

Эва почувствовала, как внутри всё сжалось.

Перед глазами возникла пластинка.

Затем металлическая конструкция в соседней лаборатории.

И женский голос, объяснявший принцип нейронной синхронизации.

– Иногда, – осторожно ответила она. – Но разве это необычно? Люди ведь сохраняют некоторые навыки даже после потери памяти.

Адриан медленно кивнул.

– Совершенно верно. Однако существует разница между сохранением привычного двигательного навыка и способностью понимать технологию, которую человек никогда не изучал.

Она посмотрела на него.

– Вы хотите сказать, что я могла работать с подобным оборудованием раньше?

Он слегка улыбнулся.

– Я хочу сказать, что твой мозг демонстрирует признаки длительной профессиональной подготовки в области нейронных интерфейсов. И если мои предположения подтвердятся, нам придётся пересмотреть практически всё, что указано в твоём личном деле.

Эва почувствовала, как в груди поднимается холодная тревога.

– А что указано в моём деле?

Адриан посмотрел на неё с неожиданной серьёзностью.

– Что до поступления в программу ты не имела специального образования и никогда не работала с высокоуровневыми технологиями.

Она замерла.

– Значит, кто-то солгал?

Он медленно закрыл терминал.

– Похоже на то.

В этот момент дверь открылась, и в помещение вошёл Кейден.

Эва узнала его ещё до того, как подняла голову, поскольку шаги главного инквизитора отличались от привычного движения сотрудников медицинского блока. Он остановился возле входа, быстро осмотрел помещение и перевёл взгляд на Адриана.

– Доктор Вейл. Мне сообщили, что обследование завершено.

Адриан выпрямился.

– Да, главный инквизитор. Мы получили весьма интересные результаты, которые, полагаю, заслуживают отдельного обсуждения.

Кейден посмотрел на Эву.

– Её состояние?

– Стабильное, хотя я рекомендовал бы ограничить дальнейшие процедуры до завершения анализа. Мы обнаружили некоторые особенности блокирующего механизма, которые требуют осторожности.

– Подробности передашь мне лично, – ответил Кейден. – Объект возвращается в жилое крыло.

Адриан некоторое время смотрел на него.

– Разумеется. Однако я хотел бы отметить, что дальнейшее исследование может потребовать доступа к архивам, которые находятся за пределами моего обычного допуска.

Кейден не изменился в лице.

– Подготовь официальный запрос.

– Уже подготовил.

Между мужчинами повисла короткая пауза.

Эва наблюдала за ними, чувствуя, что разговор содержит гораздо больше смысла, чем произнесённые слова. Адриан смотрел на Кейдена с холодным профессиональным интересом, словно пытался определить, насколько далеко тот готов зайти ради сохранения контроля над необычной заключённой, а Кейден отвечал ему привычной неподвижностью, за которой невозможно было различить ни раздражения, ни беспокойства.

Наконец главный инквизитор повернулся к Эве.

– Поднимайся. Рейнар проводит тебя обратно.

Она медленно встала.

Ей хотелось спросить, знает ли Кейден о том, что её личное дело содержит ложные сведения, однако присутствие Адриана заставило промолчать.

Когда она проходила мимо, доктор неожиданно произнёс:

– Эва, если у тебя появятся новые воспоминания или необычные ощущения, связанные с работой импланта, сообщи мне. Даже незначительная деталь может оказаться важной.

Она остановилась.

– А если я не захочу делиться тем, что вспомню?

Адриан посмотрел на неё с лёгкой улыбкой.

– Тогда мне придётся надеяться, что однажды ты сочтёшь меня достаточно достойным доверия.

Кейден резко повернул голову.

– Доктор Вейл, твоё участие в обследовании завершено.

Адриан медленно перевёл на него взгляд.

– Разумеется, главный инквизитор.

Эва не знала, почему последние слова прозвучали почти как вызов, но почувствовала, что между этими мужчинами существует давнее напряжение, которое пока не имеет к ней прямого отношения.

Или, возможно, имеет гораздо большее, чем она способна представить.

Рейнар ждал её возле стойки регистрации.

Когда они вышли в коридор, Эва почувствовала такое сильное облегчение от того, что обследование наконец закончилось, что едва не позволила себе расслабиться. Однако мысли о книге, спрятанной в комнате, продолжали возвращаться, и каждый пройденный метр казался ей мучительно долгим.

– Судя по твоему лицу, обследование прошло не особенно приятно, – заметил Рейнар, когда они свернули к лифту. – Хотя, признаться, я ещё не встречал человека, который возвращался бы из нейронного отдела с желанием немедленно повторить процедуру.

Эва устало посмотрела на него.

– Вы всегда пытаетесь шутить, когда люди чувствуют себя плохо?

Рейнар некоторое время молчал.

– Нет. Иногда я просто не знаю, что ещё можно сказать, чтобы не прозвучать полным идиотом.

Ответ оказался настолько неожиданным, что Эва невольно подняла на него глаза.

Он смотрел прямо перед собой, и впервые за всё время знакомства в его голосе не было привычной насмешливости.

– Тогда можете ничего не говорить, – тихо ответила она. – Сейчас это, пожалуй, будет самым разумным.

Рейнар кивнул.

Они прошли несколько коридоров в молчании, и Эва постепенно почувствовала, как напряжение начинает ослабевать. Ей хотелось вернуться в комнату, закрыть дверь и снова открыть книгу, чтобы попытаться понять, каким образом пластинка связана с обнаруженным Адрианом блокирующим механизмом.

Однако возле лифта Рейнар неожиданно остановился.

– Эва, – произнёс он, не поворачивая головы. – Я собираюсь сказать тебе кое-что, после чего предпочёл бы, чтобы ты не задавала никаких вопросов.

Она насторожилась.

– Почему?

– Потому что ответы могут оказаться значительно опаснее самих вопросов.

Он коснулся панели вызова лифта.

Двери оставались закрытыми.

– Сегодня ночью в системе безопасности зарегистрировали кратковременное вмешательство в локальную сеть жилого крыла. Сигнал длился меньше минуты, но его структура не соответствовала ни одному из разрешённых протоколов.

Эва почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

– И что это означает?

Рейнар медленно повернулся к ней.

– Это означает, что кто-то получил доступ к оборудованию, которое должно было оставаться изолированным от внешних каналов. Служба безопасности уже начала проверку, и если обнаружит источник, последствия будут весьма неприятными.

Она заставила себя сохранить спокойное выражение лица.

– Почему вы рассказываете об этом мне?

Он некоторое время смотрел на неё.

– Потому что иногда люди оказываются свидетелями событий, о которых даже не подозревают. Если заметишь что-нибудь необычное в своей комнате, сообщи мне или главному инквизитору.

Эва почувствовала, как внутри всё похолодело.

– Я ничего необычного не замечала.

Рейнар медленно кивнул.

– Тогда будем надеяться, что так и останется.

Двери лифта открылись.

Он жестом предложил ей войти.

Эва медленно переступила порог, чувствуя, как в голове возникает единственный вопрос.

Сколько времени осталось до того момента, когда служба безопасности обнаружит источник ночного подключения?

Когда она наконец вернулась в комнату, первым желанием было немедленно броситься к кровати и проверить тайник, однако Эва заставила себя действовать осторожно. Она сняла обувь, умылась, выпила воды и некоторое время сидела возле стола, стараясь выглядеть так, словно собирается отдыхать после утомительного обследования.

Лишь убедившись, что за дверью больше не слышно шагов, она опустилась на колени возле кровати и осторожно надавила на нижний край металлической панели.

Защёлка поддалась.

Книга лежала там, где она её оставила.

Эва почувствовала такое сильное облегчение, что на мгновение закрыла глаза, прижав свёрток к груди. Она прекрасно понимала, что сохранность тайника ещё ничего не доказывает, ведь сотрудники могли обнаружить книгу, изучить её и вернуть на место, однако пока у неё не было оснований считать, что кто-то вмешивался.

Она осторожно развернула полотенце.

Переплёт остался целым.

Семьдесят третья страница не была повреждена сильнее, чем ночью.

Пластинка находилась внутри.

Эва села на пол, прислонившись спиной к кровати, и несколько минут просто держала роман на коленях, пытаясь решить, стоит ли снова рисковать подключением. После разговора с Рейнаром она уже знала, что система безопасности зафиксировала ночнее вмешательство, поэтому повторная попытка могла оказаться последней.

Но мысли о результатах обследования не давали ей покоя.

Адриан обнаружил, что память не уничтожена, а заблокирована.

Он предположил, что механизм создан с использованием неизвестной архитектуры.

И, что было особенно важно, признал: сведения в её личном деле могут оказаться ложными.

Эва медленно открыла книгу.

Теперь она уже не сомневалась, что роман связан с её прошлым гораздо теснее, чем казалось сначала.

Она осторожно рассмотрела семьдесят третью страницу и заметила, что внутри бумажной полости находится ещё один слой, почти незаметный при обычном освещении.

Эва провела пальцем по краю.

Под бумагой обнаружилась тонкая прозрачная плёнка, на которой были нанесены несколько строк микроскопического текста.

Она поднесла страницу к свету.

Буквы оставались слишком мелкими, чтобы их можно было разобрать, поэтому Эва осторожно отогнула край плёнки и приблизила её к настенной панели освещения.

Свет прошёл сквозь прозрачную поверхность.

На противоположной стене возникло увеличенное изображение.

Эва замерла.

Перед ней находилась не случайная надпись, а короткая инструкция, написанная тем же почерком, что и слова на первой странице книги.

«Если ты читаешь это, значит, первый контур открылся. Не пытайся восстановить всё сразу, потому что блокировка реагирует на принудительное вмешательство и может уничтожить то, что осталось. Двигайся постепенно. Используй только автономный режим. И самое главное – никому не говори, что нашла носитель».

Эва почувствовала, как по спине пробежал холод.

Она перечитала текст несколько раз.

Последняя строка была подчёркнута.

«Особенно Кейдену».

Несколько секунд она смотрела на эти слова, не в силах поверить увиденному.

Кейден знал книгу.

Он узнал надпись на первой странице.

Он предупредил её, что некоторые вещи опасны из-за своих прежних владельцев.

И теперь неизвестный человек, спрятавший внутри романа устройство для восстановления памяти, настоятельно советовал ей скрывать находку именно от него.

Эва медленно опустила книгу.

В голове возникло столько вопросов, что она не могла сосредоточиться ни на одном.

Если Кейден действительно был связан с её прошлым, почему он позволил ей сохранить роман?

Если он знал о существовании носителя, почему не забрал его?

И если он ничего не знал, почему неизвестный автор предупреждения считал его настолько опасным?

Она снова посмотрела на стену.

Под основной инструкцией находилась ещё одна строка, которую Эва сначала не заметила из-за повреждения прозрачной плёнки.

«Если он скажет, что сделал это ради тебя, не верь. Спроси, что произошло в ночь отключения».

Занавес...

Глава 13.

Эва почувствовала, как сердце болезненно сжалось. В шоке, перечитывая раз за разом последнюю надпись , она размышляла над одной , очень глупой и невероятной мыслью. Неужели Кейден знает Эву. Вернее нет не так.

Неужели он ЗНАЛ Эву?

Она не знала, что такое ночь отключения.

Не знала, кто написал предупреждение.

И совершенно не понимала, почему человек, который, судя по всему, пытался помочь ей вернуть память, считал Кейдена главной угрозой.

Однако теперь у неё появилась первая конкретная зацепка.

Не название программы.

Не неизвестный архивный код.

А событие, о котором кто-то намеренно предпочитал молчать.

Ночь отключения.

Эва осторожно сложила плёнку, вернула её между страницами и закрыла книгу.

В этот момент за дверью послышались шаги.

Она мгновенно поднялась, сунула роман обратно в тайник и едва успела защёлкнуть металлическую панель, когда система доступа вспыхнула зелёным светом.

Дверь открылась.

На пороге стоял Кейден.

Он вошёл без сопровождения, закрыл за собой дверь и некоторое время молча смотрел на Эву, словно пытался определить, чем именно она занималась до его появления.

– Доктор Вейл сообщил мне о результатах обследования, – произнёс он наконец. – Похоже, твоя память сохранилась в значительно большем объёме, чем предполагали специалисты.

Эва заставила себя встретиться с ним взглядом.

– Значит, кто-то ошибся, когда составлял моё личное дело.

Кейден не ответил.

Она почувствовала, как внутри поднимается холодная решимость.

– Или не ошибся, – продолжила Эва, стараясь говорить спокойно. – Возможно, кто-то сознательно записал туда ложные сведения, чтобы никто не задавал лишних вопросов о моём прошлом.

Кейден медленно подошёл ближе.

– К чему ты ведёшь?

Эва посмотрела ему прямо в глаза.

Ей отчаянно хотелось спросить о ночи отключения, но предупреждение, обнаруженное в книге, всё ещё стояло перед глазами. Если неизвестный автор действительно пытался защитить её, преждевременный вопрос мог выдать существование носителя, а значит, лишить её единственной возможности самостоятельно разобраться в происходящем.

Поэтому она заставила себя промолчать.

– Я хочу знать, кем была до того, как оказалась здесь, – произнесла она наконец. – И почему в моём деле написано, что я никогда не работала с нейронными технологиями, если доктор Вейл утверждает обратное.

Кейден остановился.

На мгновение его лицо изменилось настолько заметно, что Эва невольно напряглась. Исчезла привычная холодная уверенность, а в серых глазах мелькнуло выражение, которое она не сумела определить, поскольку оно исчезло почти сразу.

– Доктор Вейл склонен делать выводы раньше, чем получает достаточно доказательств, – ответил он. – Его предположения ещё не означают, что сведения в твоём деле ошибочны.

– Но вы ведь собираетесь их проверить?

– Проверка уже проводится.

– И когда она закончится, мне позволят узнать результаты?

Кейден некоторое время смотрел на неё.

– Это зависит от того, какие сведения будут обнаружены.

Эва почувствовала, как внутри снова поднимается возмущение.

– То есть даже если вы узнаете, кем я была, то всё равно можете решить, что мне не следует об этом знать?

– Если информация представляет угрозу безопасности комплекса, доступ к ней будет ограничен.

Она горько усмехнулась.

– Удивительно удобная формулировка. Получается, моё собственное прошлое может оказаться государственной тайной, а я буду обязана жить с пустотой в голове только потому, что кому-то не понравится то, что я вспомню.

Кейден не ответил сразу.

Он медленно перевёл взгляд на кровать, затем снова посмотрел на Эву.

– Ты сегодня необычайно возбуждена. Обследование вызвало какие-нибудь воспоминания?

Она почувствовала, как сердце пропустило удар.

– Нет.

– Совсем никаких?

Эва заставила себя выдержать его взгляд.

– Доктор Вейл уже задавал мне этот вопрос. Если бы я вспомнила что-нибудь важное, наверное, не стала бы тратить время на разговоры о собственном личном деле.

Кейден некоторое время молчал.

Затем медленно подошёл к столу, взял медицинский отчёт и несколько секунд изучал показатели.

– Твоя нейронная активность значительно выше обычной, – произнёс он наконец. – Если появятся головные боли, провалы сознания или необычные ощущения, немедленно сообщи медицинскому персоналу. Повторная стимуляция без контроля специалистов может привести к необратимым последствиям.

Эва почувствовала, как пальцы непроизвольно сжимаются.

– Вы все говорите об этом так, словно моя память представляет опасность для кого угодно, кроме меня самой.

Кейден медленно поднял глаза.

– Иногда опасность заключается не в том, что человек помнит, а в том, что он способен сделать с полученными знаниями.

Она замерла.

Слова прозвучали слишком определённо.

Слишком лично.

Эва внимательно посмотрела на него, пытаясь понять, не скрывается ли за очередным предупреждением что-то большее, чем обычная забота о безопасности Синдиката.

– Ты говоришь так, будто знаешь, что именно я могу вспомнить.

Кейден не отвёл взгляда.

– Я знаю достаточно, чтобы советовать тебе не торопиться.

Эва почувствовала, как по спине пробежал холод.

Она уже собиралась задать следующий вопрос, когда он неожиданно добавил:

– И ещё одно. В ближайшие дни в твоей комнате могут провести проверку оборудования. Если обнаружишь неисправности, не пытайся устранять их самостоятельно.

Она едва заметно напряглась.

– Проверку оборудования?

– Плановое обслуживание после зафиксированных отклонений в локальной сети.

Эва заставила себя сохранить спокойное выражение лица.

– А что именно будут проверять?

Кейден посмотрел на неё.

– Терминалы, систему наблюдения, коммуникационные каналы и внутренние датчики. Почему тебя это интересует?

Она пожала плечами.

– Потому что мне хотелось бы знать, когда в мою комнату снова войдут незнакомые люди и начнут что-нибудь проверять, не спрашивая разрешения.

Он некоторое время молчал.

– Тебя предупредят заранее.

Эва кивнула, хотя внутри всё похолодело.

Если сотрудники начнут проверять оборудование, они могут обнаружить не только следы подключения, но и тайник под кроватью. Ей необходимо было придумать другое место для книги, причём сделать это до того, как кто-нибудь появится с инструментами.

Кейден закрыл отчёт.

– На сегодня медицинские процедуры закончены. Отдыхай.

Он направился к двери.

Эва смотрела ему вслед, чувствуя, как в голове снова и снова звучат слова неизвестного предупреждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.